

Дневник рядового солдата Великой войны

Предисловие

С детства я слышал в семье, что дедушка участвовал в Первой мировой войне, как некоторые тогда говорили, в «империалистической». Я знал, что дед хранил свои дневники тех военных лет. Они теперь у меня и, думаю, пришло время опубликовать этот еще один уникальный субъективный взгляд на те великие события. Взгляд на войну глазами вчерашнего гражданского человека, рядового солдата, из окопов, а потом и из барака лагеря военнопленных. Все повествование наполнено бытовыми деталями и пропитано личным отношением. Поэтому не лишними будут несколько слов о личности автора.

Мой дед, Фишелев Рувим Моисеевич, родился в 1890 году, в Сибири, в селе Казаткуль Каинского уезда Томской губернии, сейчас это село в составе Новосибирской области, рядом со станцией Татарск. Он был старшим сыном, вторым по старшинству из восьми детей. Отец его выделывал кожи в своей мастерской, но занимался, кроме этого, еще земледелием – видимо, дохода от ремесла не хватало для прокорма большой семьи. Естественно, Рувим с детства был приучен и к семейному ремеслу, и к труду на земле. В Сибирь еврейская семья попала из Вильны (Вильнюса), откуда после поражения польского восстания, в 1864 году, был сослан со всей семьей дед моего деда.

Видимо, по наследству что-то бунтарское было и в характере автора военного дневника, моего деда. В дневнике эта особенность мировоззрения часто проявляется. Известно, что в Омске, куда семья переехала перед войной, Рувим был участником местного кружка народников.

Мобилизован он был в конце 1914 года, в середине 1915 года попал в плен к австрийцам. После плена, в 1918 году, вернулся в Сибирь, там женился. Дожил до 85 лет. Я хорошо помню его в пожилом возрасте. Активный и подвижный, но в то же время уравновешенный и рассудительный, а в некоторых вопросах даже педантичный. Был сильным игроком в шахматы. До старости любил работать на земле, в саду.

Хорошо помню, что дед уже в пожилом возрасте активно переписывался с товарищем по годам плена из Чехословакии, на немецком языке, который изучил в плену. От этой переписки сохранились открытки и фотографии тех мест в Чехии, которые упоминаются в дневнике.

46-й Сибирский стрелковый пехотный полк, солдатом которого был Рувим Фишелев, входил в состав 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Дивизия начала формироваться по мобилизации, объявленной в Российской империи в ответ на нападение Австро-Венгрии на Сербию в июле 1914 года. Дивизия участвовала в боях Юго-Западного фронта на территории Западной Галиции. В апреле 1915 года 12-я Сибирская дивизия в составе 24-го корпуса противостояла главному удару австрийцев. К 16 мая, несмотря на пополнения, в дивизии осталось 2000 бойцов или 13 % штатного состава. Именно в период этих боев, 28 апреля, попал в австрийский плен Рувим Фишелев.

За Первую мировую войну четыре полка 12-й Сибирской дивизии суммарно потеряли 5257 солдат убитыми, 19937 ранеными, 20714 пропавшими без вести, что составляло три полных состава.

Некоторые моменты в тексте могут удивить. Например, мы часто слышим, что жители Галиции всегда были нелояльны по отношению к Российской империи, Советскому Союзу, России. Однако, далее цитата... «По дорогам отступают вместе с нашими солдатами галициане, худые, изнуренные женщины, девушки, маленькие дети, старики – босые, голодные, тащатся на своих фурах, запряженных парой волов или коров, еле передвигаются. Больно смотреть на этих бедных людей, зачем они страдают, чем они виноваты, что паны дерутся». Здесь же упоминается, что в городке Бжезов «жителей нет, все ушли».

Еще интересный момент. В лагере военнопленных австрийские власти почему-то расселили пленных по национальностям, есть еврейские, польские, татарские бараки. Возможно, они считали, что таким образом уменьшат количество конфликтов между пленными. Автор высказывает недовольство условиями содержания – понятно, это далеко не курорт. Однако ясно, что обстановка разительно отличается от нечеловеческих условий в концлагерях Второй мировой.

При подготовке к публикации я внес минимальное количество комментариев. Это только примечания, разъясняющие некоторые, сейчас неиспользуемые слова, а также современные польские и чешские названия населенных пунктов, которые упомянуты в дневнике. Некоторые населенные пункты не сразу удалось идентифицировать, часть сменили названия, но в результате не идентифицированными остались единицы.

*Владимир Фишелев,
18 апреля 2014 года*

Рувим Фишелев (1890 – 1975)

Первая мировая – виденное и пережитое

Фронт

Мобилизован я был **15 ноября 1914 года**.

Военную подготовку, так называемую «муштру» проходил в Омске по **31 декабря 1914 года**, откуда и был со своей ротой **46-го Сибирского полка** направлен на западный фронт. Проехали мы целый ряд городов в товарных вагонах на нарах. После этой несчастной «муштры» (когда уж больше себя не чувствуешь свободным человеком) в поезде мы уже отдыхали. Правда, в товарных вагонах на твердых нарах, это не в пассажирском вагоне, но все-же лучше, чем слушать крики, брань и хамство ротного командира и фельдфебеля.

11 января 1915 года мы прибыли в г. Ново-Александрия¹. Навьючив на себя всю амуницию, мы двинулись пешком. Пройдя версты четыре, дошли до казарм, находящихся в конце города. Немного отдохнув, двинулись дальше, так как в этих казармах для нас уже не было свободных мест, они были заняты солдатами, прибывшими ранее нас. Прошли еще версты три за город. Нас поместили в здание бывшего пивоваренного завода на берегу реки Вислы. Заняли второй этаж.

Как сам завод, так и жилые здания были порядком повреждены, ни одного окна нет целого, все без стекол.

¹ г. Ново-Александрия - ныне Пулавы, юго-восточная Польша – Puławy. Здесь и далее - прим. ред.

Рассказывают, здесь при наступлении немцев осенью 1914 года шли большие бои. Котлы, паровики и прочие машины – все были разбиты, и все это сейчас представляет ужасную картину разгрома. Да, а ведь когда-то здесь, наверное, кипела жизнь. Тем более на пивоваренном заводе – было весело.

Вдоль берега реки Вислы видны скрытые окопы, откуда наши войска стреляли на противоположный берег по наступающему неприятелю.

Во время наступления неприятеля и обстрела города многие жители убегали, захватив с собой самое необходимое, а остальное имущество оставляли на произвол судьбы. Рассказывают, какие ужасы были при отступлении русских войск: жители в фургонах с домашним скарбом, женщины, дети, старики и войска в одноколках – все это смешивалось на шоссе, запруживало движение, и невозможно было двигаться ни вперед, ни назад. В то же время снаряды рвались, пули свистели. Стены раненых, крики, плач – все это, конечно, действовало панически.

Натиск неприятеля был так стремителен, что задержать не было возможности, так как нашего войска было явно недостаточно.

В начале августа прошлого года были сведения, что к Варшаве, Люблину немцы ведут большое наступление. Однако точно неизвестно было, каким путем они движутся. В виду этого, одной дивизии было приказано найти, обнаружить неприятеля, оттянуть его в одно направление и задерживать с медленным отступлением до прибытия свежих войск.

Двенадцать суток эта дивизия все искала и только на тринадцатые обнаружила, но задержать уже не могла наступающих немцев и медленно отступать тоже не могла, а только быстро, иначе говоря, бежали, боясь быть захваченными в плен, оставляли города, села без боя. Таким образом «отошли» до Иван-города, где были уже свежие войска, только что прибывшие. Здесь дали немцам такое сражение и так двинулись вперед, что и немцам пришлось в свою очередь бежать без задержки, останавливаться им не давали. Это было, говорят, великолепное сражение, тот самый реванш за наше отступление. Все это было в прошлом 1914 году.

Оставили мы пивзавод и двинулись дальше на другую сторону Вислы. В одной польской деревне наша рота заняла двухэтажное здание, окна все разбиты и ветер гуляет кругом, холодно, а согреться негде.

12 января 1915 года пошли в город верстах в пяти, где мы в казармах получали горячую пищу один раз в день, иногда утром, а иногда вечером. Здесь же получали и сухой паек: чай, сахар, хлеб. Ежедневно ходили в город на занятия: маршируем. Погода здесь в январе месяце холодная и дождливая как осенью, а обедаем мы на улице, когда иногда идет снег или дождь. Нечего сказать – с удобствами.

Наш ротный командир внушает солдатам, что в условиях войны солдат обязан все терпеть и рисковать не только своим здоровьем, но и жизнью. Все это, как говорится, красивые слова. Сам он находился в лучших условиях, и едва ли будет рисковать своей жизнью. По фамилии ротный Федоров, довольно несимпатичный человек. Во-первых, командовать совсем не умеет, но кричать мастер. Редко дает отдохнуть после марширования, покурить немного.

К этому еще был прапорщик, командующий несколькими ротами по фамилии Клоц. Это поляк, говорит по-русски плохо, очень скверный, сердитый, частенько пускает в ход свой хлыст, с которым никогда не расстается, бьет иногда солдат даже по лицу, гоняет до изнеможения.

В противоположность этому идиоту, батальонный командир, наоборот, требователен к офицерам, а солдатам объясняет спокойно как стрелять, а также и другие приемы. К солдатам относится хорошо.

Вот фельдфебель у нас новый, очень хороший человек, Слепченко, украинец. Он производит впечатление скорее мужичка, но не военного. К солдатам относится просто по-отечески. Проклинает войну и говорит: «Кому она нужна? Я бы сейчас предпочел быть дома и заниматься хозяйством, а вот здесь торчу невесть зачем и за что». Хороший человек Слепченко.

Занятия, марширование, у нас проходили до **10 февраля**, а затем нас построили с полной воинской амуницией и шагом марш, как видно, на фронт.

Батальонный напутствовал нас, пожелал скорее вернуться домой здоровыми и с победой.

«С Богом, карпатские орлы!», – так он нас призывал перед маршем. Жаль, что я не узнал его фамилии.

Поездом прибыли в 17 часов вечера на станцию Люблин. На остановке получили сало из вагона Красного Креста имени Терещенко. Город Люблин был виден только издали. Говорят, что город очень красив. Да, если ехать свободным человеком, то неплохо бы побывать во многих городах.

Ехали мы по вновь строящейся железной дороге, а поэтому движение было очень медленным. Не доезжая до Розвадово² верст 10-12, путь уже кончался, и мы, высадившись из вагонов, продолжали путь пешком, перешли реку Сан, и только утром пришли в Розвадово и расположились на улице, на площади города.

Городок небольшой и большая часть города разрушена как видно при бомбежке, стоят одни только стены и трубы печей. Из жителей никого не видно, наверное, поспешили эвакуироваться своевременно. В 9 часов утра вновь продолжили путь, но уже поездом в товарных вагонах человек по 50-60, так что было довольно тесновато. Двери у нас были все время открыты, но ничего интересного не было видно, наоборот, всюду только разрушения и окопы. Проехав несколько часов, мы снова высадились, так как железнодорожный мост был взорван, и продолжили путь пешком примерно верст десять до станции Прежеворск³. Вот прошли бывший сахарный завод – усталые, грязные, голодные. Из одного дома выглядывали молодые женщины, девушки и смеялись, глядя на нас: они-то были в чистеньких блузках. Однако нам было не до смеха, хотелось скорее добраться до места и отдохнуть. Поздно вечером получили ужин и на боковую.

Утром мы с Пинчуком решили сходить в город, но потом узнали, что в субботу большинство еврейских лавок закрыты. Тогда мы пошли на станцию, думая в буфете что-нибудь купить, но, увы! – нас, солдат, туда не пустили – вход был свободен только для офицеров. Черт бы их побрал, даже на фронте нет исключения. Вскоре все же нашли лавочку, где и купили хлеба и колбасы.

И снова в путь все дальше и дальше, и все ближе и ближе к фронту. Здесь я встретил Тарасова из Татарска⁴. Оба мы были рады этой встрече, к сожалению, мы были в разных ротах. Хороший парень Тарасов. Вскоре мы приехали на станцию Ржечков⁵, а затем пошли в город, где расположились в одном большом хорошем здании.

Город Ржечков порядочный, как в Галиции, есть несколько больших зданий, тротуары, шоссе из каменки, а потому выглядит чистым, нет грязи.

15 февраля прибыли в местечко Ясло⁶. С трудом ночью разместились в одном помещении, но, к сожалению, холодном, грязном, и какое-то ужасное зловоние шло снизу. Оказывается, внизу находится конюшня обоза.

² Розвадово - *Rozwadów, Stalowa Wola, Польша.*

³ Прежеворск - *Przeworsk, Польша.*

⁴ Татарск - *город рядом с Омском, ближайший город к родному селу автора Казаткуль.*

⁵ Ржечков - *Rzeczków, Польша.*

Утром пошли с Пинчуком обозрывать городок, небольшой, магазины почему-то большей частью были закрыты, а в открытых нечего было купить. Зашли в столовую пообедать, но вкусного ничего не оказалось. В пять часов вечера отправились походом дальше, в одной деревушке расположились ночевать, Утром двинулись дальше, вблизи местечка Змейгород⁷ расположились в кустах, где было сыро, грязно и негде даже было присесть. Усталые порядочно, да и есть хотелось, но в местечке нечего было купить, даже хлеба не было. Так, голодные, двинулись дальше до местечка Дукля⁸. Офицеры ушли в город, а мы остались во дворе, вскоре пошел снег и стало холодновато. Квартир для солдат никто не искал, так как не было распоряжения идти дальше или же здесь остановиться. Однако все же, когда вернулись офицеры, то выяснили, что ночевать будем в местечке. После долгих поисков удалось найти, где можно отдохнуть и выспаться.

Утром снова двинулись дальше. Весь день шли, редко останавливались, чтобы немного отдохнуть и только к вечеру добрались до штаба. Здесь как видно будет наш конечный пункт и конец нашим мытарствам голода и холода. Поздно ночью согрели чаю, а затем забрались на какой-то чердак сеновала и крепко заснули.

Назавтра нас разбили по пятьдесят человек по ротам в пополнение.

Здесь, наверное, уже было недалеко до позиций, так как были слышны орудийные выстрелы, точно гром гремит. Нам, новичкам, без привычки было жутковато, а старые солдаты привыкли и не обращали внимания на эту канонаду, над нами они посмеивались: «Вы, – говорят, – еще ничего не испытали вы еще дома валялись, а нам уже досталось». В семь часов вечера отправились по направлению позиции, подошли к одной деревушке тихо бесшумно, так как вблизи были окопы. Наш новый ротный командир ехал на коне, к нам он ни одним словом приветствия не обратился.

Затем нас разместили по окопам, это скорее были просто ямы, куда нас по четыре–пять человек втиснули, где невозможно было ни сидеть, ни лежать, а только скорчившись стоять, и конечно не высовываться. Вот в таком состоянии мы пробыли до рассвета, и конечно не спали.

Мы за ночь много пережили, главным образом неизвестность нас мучила: что-то мы должны делать? Ведь впереди, мы знали, были неприятельские окопы. Никто нам объяснений не сделал, а только молчком затолкнули в ямы и сидите молча ...

20 февраля на рассвете вернулись в халупы, нагрели чаю, наварили картошек, поели и улеглись спать, хотя пол был грязный, в избе полно дыма, но уснули крепко.

Днем ходил на перевязку, так как натер ногу от продолжительной ходьбы.

Деревушка, в которой мы расположились, находится у самых окопов, вся разрушена, несколько халуп остались уцелевшие, в которых мы и находимся. Избы здесь называют халупами, маленькие крестьянские избы. Осмотревшись днем, можно было видеть на горе неприятельские окопы совершенно на открытом месте, тогда как наши были в лесу и не так заметно. Хорошо было видно, даже невооруженным глазом, как австрийцы укрепляли свои окопы. Однако стрелять по ним не было приказа, также и они не обстреливали нас. Спать все время приходилось в одежде и полной амуниции – это, как видно, на случай тревоги, чтобы быть готовыми и немедленно выбраться из избы, также, если попадет снаряд. Вечером мы снова засели в окопе. На правом фланге были слышны орудийные и пулеметные выстрелы. Старые солдаты не обращают внимания и дуются в карты. Только мы вздрагиваем от выстрелов. Вот уже несколько дней не раздевались, не мешало бы помыться, смыть грязь и пот. Двадцать второго часов в 8 вечера вышли мы из деревушки, а другие роты заняли окопы.

Мы также пошли на смену одного батальона на гору, это уже есть как видно Карпатские горы. Прошли верст десять без отдыха, уставшие подошли к одной сопке, на которую предстояло взбираться – там и должны сменить. Здесь пришлось нам напрячь последние усилия, ноги положительно отказывались идти, местами было довольно круто взбираться и только с помощью штыка приходилось медленно подниматься выше и выше по снегу. Было очень скользко и глубоко, часто падали на спину, то носом, а останавливаться нельзя, иначе можно рисковать отстать. Шли все лесом, в котором одному можно было легко заблудиться и не добраться до блиндажей, в которых горел еще небольшой огонек. Но это еще, оказывается, была еще не самая верхушка горы, а только на склоне, а выше там и были окопы. Отогревшись немного, начали устраиваться. Напившись чаю, залегли спать, спать.

23 февраля. Здесь выстрелы не смолкают и днем, Австрийцы стреляют по нашим окопам, резервам через сопку. Над блиндажами часто рвутся снаряды и разрываются то впереди, то позади, как видно берут разные прицелы. Сегодня уже был ранено семь человек. Да, всего невозможно описать и не выразить переживания на бумаге. Пробыв на сопке двое суток, мы спустились в ближайшую деревушку.

26 февраля. Снова забрались на сопку, но тут же сошли, но немного левее. Пришлось испытать подъем еще хуже, чем в первый раз, Проводники наши заблудились, и мы всю ночь блуждали, а на одном месте очень долго стояли, ожидая проводников. Здорово замерзли. Одного из нашей роты шальной пулей ранило, я стоял как раз рядом с ним и услышал, как он крикнул «Ой!», кажется, ранен. Вскоре подошли санитары, сделали перевязку и отправили обратно, наверное, в госпиталь. Говорят солдаты: «Повезло парню, не успел даже пороху понюхать». Наконец появились проводники, и мы начали снова спускаться, а затем подниматься, с трудом добрались до блиндажей. Усталые, замерзшие, и обогреться негде, пришлось самим разводять огонь, но это не удалось, так как не было дров, а солома была мокрая. Устроился я к старым солдатам кое-как на краешек блиндажа, вот котомка моя из дома мне служила хорошим «матрацем», но увы! – к сожалению, она полетела вниз и мне нечего было подостлать, а достать ее уже было невозможно. Начало светать, наступило утро 27-го, ходили в окопы с 7 до 12 часов ночи. Ночью шел снег, а окопы почти открыты. И ветер гуляет свободно, все мокро, ноги и руки мерзнут.

1 марта. Снова в окопы с 12 до 6 утра. От холода стоять или сидеть нельзя было, иначе можно было заоченеть, поэтому надо было двигаться и «танцевать», но только согнувшись, так как пули очень часто ударялись по окопам, высовываться было рискованно. Некоторые уже поплатились за неосторожность.

4 марта. Вот уже третьи сутки как хлеба привозят очень мало, на сутки не хватает. Часто пьем один чай без хлеба, а иногда и просто кипяченую воду без сахара. По воду ходить трудно, так как приходится спускаться с крутой сопки, а подниматься с водой еще труднее, стоит только поскользнуться, и вода разливается, и снова идешь вниз.

5 марта. Вчера еще раз ходили в окопы. Приказано было всем собраться, чтобы пойти в деревню на отдых, скоро должна придти смена. Однако смена не пришла, и нам пришлось снова охранять позиции. Как хочется отдохнуть и поесть горячей пищи.

7 марта. Вот снова в окопы, а здесь наверху здорово холодно. Ночью приказано было собраться во всей амуницией ввиду наступления на правом фланге. До четырех утра мы просидели, не раздеваясь, будучи все время наготове. Вскоре раз-

⁶ Ясло - *Jasło*, Польша.

⁷ Змейгород - *Stary Żmigród*, Польша.

⁸ Дукля - *Dukla*, Польша.

решили пойти на отдых. Однако мы не успели еще как следует раздеться и расположиться, как вдруг – приказ немедленно вновь одеться и быть готовыми к выступлению. Через час снова разделись и пошли чай варить, а потом уже спали. Все это всех нервировало. Не было порядка, дисциплины, согласованности. Нашу сопку неприятельские снаряды беспрерывно обстреливали, снаряды рвались совсем близко. На склоне сопки в кустах мы, по разрешению расположились чай пить, полагая, что сюда снаряды не попадут. Однако все же один снаряд разорвался над нами и осколком угодил мне в ногу без ранения, к счастью также никто не пострадал.

9 марта. Вчера, наконец, оставили окопы, пробыв тринадцать суток без горячей пищи и часто без хлеба. Пошли занимать австрийские окопы, которые они оставили ввиду натиска наших частей с флангов. Спускаясь по другую сторону сопки, мы местами переходили валявшиеся на снегу и даже под снегом трупы, засыпанные еще в начале зимы. Тяжело было смотреть и думать: «За что погибли эти люди? Неужели и нас может постигнуть такая участь – валяться где-то на Карпатах?» В одном месте, я заметил, лежали почти рядом два «врага» – русский солдат и австриец.

Окопы у них хорошие, лучше наших, хорошо защищены от ветра, снега, а также от пуль, снарядов. Несколько австрийских солдат пришли добровольно и принесли еще двух раненых. Очень хорошо они сделали, поняв, что незачем воевать ради своих порабитителей, а в особенности чехам! Всех отправили в штаб. Настроение у нас улучшилось, так как немцы оставляют хорошие окопы без боя, и без потерь мы их занимаем. У нас, можно считать, успех. Но какой ценой он достался. Чтобы заставить немцев отступить, немало было до этого человеческих жертв! Особенно радоваться, пожалуй, нечему.

В девять часов вечера меня назначили часовым наверху, дальше за окопами, совершенно на открытом месте. Да, было жутковато, и к тому же и холодно. Утром меня сняли, и мы перешли в другие окопы.

Батальонный сообщил, что Перемышль взят нашими войсками. Заговорили о возможности мира с Австрией.

Находимся мы на высокой горе, здесь кругом горы и горы в самых облаках.

Однако вид очень красивый, какая-то гордая природа. С утра в горах туман, на восходе солнца постепенно рассеивается. Как красив и великолепен здесь восход солнца, выходящего медленно из-за гор Карпатских, одновременно освещая всю бесконечную цепь гор. У нас в Сибири я ничего подобного не видел, да и гор у нас нет, все равнина. В долине виднеются небольшие деревушки, занятые нашими войсками.

Вместо ожидаемого отдыха нас повели на связь к одному полку. До поздней ночи все ходили, искали, то вправо, то влево, вперед, назад и никак не могли найти полк. В результате вынуждены были остановиться в лесу и переночевать, боясь дальше идти, и как бы не попасть в плен. Нечего сказать, разве-е-едчики!..

Дневали назавтра тоже в лесу, хлеба не было сутки, в два часа ночи пошли в деревню и только на рассвете пришли, надеясь отдохнуть. Однако, как видно, на войне отдыхать солдатам нельзя, а пока силы есть, здоров, то двигаться. Не успели мы зайти в избу, уже команда: «Выходи, стройся!». Идем в подкрепление 457 полку. Вместо отдыха в бой. Кто-нибудь останется там навечно отдыхать... Шли по воде, а сапоги мои уже требуют починки, вода проходит насквозь. В одном проходе мы застряли, то есть нельзя было даже высунуться, немцы беспрерывно огнем обстреливали, не давая нам продвигаться (как видно – они нас заметили). Но недалеко шел бой за обладание одной деревней, куда нам следовало подойти в помощь. Шрапнели, пули, все это свистело и разрывалось над нами. По телефону было приказано идти немедленно в подкрепление, но наш ротный отказался, сообщая что при попытке выйти из прикрытия все будут уничтожены. К вечеру бой утих – противники остались на своих позициях. Мы вышли из прохода и расположились в лесу, ожидая ночи, чтобы пойти в наступление. Прошу своих товарищей, если буду убит, чтобы взяли у меня деньги, а эту записную книжечку отправили родным по указанному адресу в книжке.

12 марта. 11-го, ночь на 12-е пошли в наступление – задача, приказ: выбить неприятеля из окопов и овладеть ими. Как только стемнело, пошли вперевалку по одному с горы вниз, а затем на следующую гору, бежали зигзагом, и мы так закрутились, что не знали, где находимся и где неприятель. Немного погодя, ориентируясь и рассыпавшись цепью, начали продвигаться. Вскоре немцы заметили нас и открыли ураганный огонь из пулеметов и винтовок. С нашей стороны также началась усиленная стрельба, однако двинуться не было возможности, стреляли лежа, окопавшись, что не совсем удобно – стрелять и наблюдать. Убитых и раненых уже было много, а вперед продвинуться еще все не можем. На рассвете вынуждены были отойти назад на исходные позиции. Эта попытка стоила многих жертв, а результатов никаких. Здесь много зависит от командира, но далеко не все считаются с человеческими жизнями.

Расположились мы в лесу. Не успели подкрепиться, как немцы начали нас здорово обстреливать. Начали копать временные окопы на передней линии 46-го полка, а позади резерв – 45-й и 47-й. Немцы затили с обстрелом, возможно, готовятся к обороне. Воспользовавшись затишьем, ходили осматривать наше вчерашнее поле боя. Здесь безуспешно наступал ранее 48-й полк. Убитых очень много, только нашли одного раненого. Повсюду валяются различные солдатские принадлежности: мешки, котелки, белье, обувь, чашки и пр., и пр. Я нашел на одном убитом одну пару сапог – один еще хороший, второй немного разорван, эти были лучше моих, и я взял, как-нибудь второй починю. К сожалению, у убитого никаких документов или писем не было, чтобы можно было сообщить родным. Совсем недалеко видны неприятельские окопы, которые они еще крепче укрепили. Немцы кричат: «Пан, иди сюда», а мы им: «Идите паны до нас!». Никто не стреляет, настроены мирно, конечно, пока ...

Ночью стояли на посту в лесу. Тихо и как будто спокойно, но обманываться нельзя. Необходимо напрягать слух, зрение и все внимание, чтобы вдруг тихо неожиданно не подкрался неприятель и не заставил замолчать. Так и наши снимают часовых.

На рассвете построилась, в середине наша рота. Вначале шли хорошо цепью, но потом из-за густого леса, кустов и темноты постепенно разрывались и в конце смешались взводы, роты и даже полки. Командиры не могли найти своих солдат, т.е. свои отделения, роты.

Правый фланг загнулся. Вскоре немцы начали усиленно нас обстреливать. Тут мы еще больше перемешались, падая за деревья, кустарник. Кто где мог укрыться от шквала огня. Затем побежали обратно, кто подал такую команду – неизвестно. Офицер кричал: «Вперед!», угрожая револьвером, но было уже поздно, так как все уже расстроились, и команду никто не слушал. Правый фланг, как потом выяснилось, был отрезан, позднее многих не досчитались, как вроде попали в плен, среди убитых и раненых их не было.

13 марта утром нас снова построили и наш полк уже впереди.

Командир полка отдал приказ: «Несмотря ни на какие потери, во что бы ни стало выбить неприятеля из окопов и овладеть ими». Приказывать легко... Сразу же двинулись вперед, но немцы не дремали, начали действовать пулеметы, оружие, артиллерия. Все это обдавало нас как градом. С командой «Ложись!», «Вперед!» мы наступали, уже были слышны стоны раненых, бежавших назад. Одна пуля попала мне в раздвижное кольцо винтовки, я только почувствовал толчок, а пуля как видно отскочила в сторону. Перебежками нам удалось достичь неприятельские проволочные заграждения, и сразу «Ура», момент, и мы были уже в окопах неприятеля. Немцы стреляли до последнего момента, даже когда мы были уже в окопах, но за это многие немцы и поплатились жизнью. наших солдат это возмущает и приводит в ярость. И они были вы-

нуждены немцев приканчивать штыками. Сразу овладели пулеметами и много сдались в плен. Какое на войне происходит побоище – убивают друг друга! Люди становятся хуже зверей.

Потери у нас были большие: из полных рот осталось по 80-100 человек.

Наоборот, потери немцев были незначительны. Наступающие всегда несут большие потери, чем обороняющиеся. Эта победа досталась дорогой ценой – жизнью людей. Для командиров было более важно занять позиции неприятеля, чем люди, погибшие во имя престижа начальства. Награждены, конечно, будут офицеры с повышением звания. Тоже герои!

Затем мы двинулись дальше, без сопротивления заняв одну деревушку, в которой не было жителей, да она и была вся сожжена. Однако в следующей деревне были уже жители. Мы, наконец, получили возможность, право на отдых после долгого странствия по сопкам. Но едва ли придется долго отдыхать, тем более, что успешно стали наступать, а немцы отступать.

14 марта. Сегодня было приказано быть наготове, возможно придется пойти на поддержку полка. Эта перспектива не особенно нам улыбается. Однако к удивлению, день прошел мирно, и мы находимся в деревушке. Немцы же все время обстреливают деревушку, не давая нам спокойно отдыхать. Мы только и бегаем из одной халупы в другую, так как немцы буквально засыпают деревню снарядами. Вот негодяи, нет нисколько «приличия».

Я вышел ненадолго, вернувшись, немного задержался у двери, и в этот момент снаряд упал в сени, меня волной отбросило далеко. Я упал, думая: «ну, конец», однако, к счастью, отделался страхом. В сенях снаряд, разорвавшись, все переломал, что там было. Если б я только зашел в сени, то, поенщжалуй бы, несдобровать мне. Как говорится, «был на волосок от смерти». Второй снаряд упал в трубу, и кто там был, выбросились из окна, никто, к счастью, не пострадал, но печь была разрушена. Пострадала только моя бритва – сломалась ручка, это когда ребята выбросили мой вещевой мешок.

16 марта. Сегодня мы еще в деревне Мало-Вогеза. Все время приказано быть наготове, не раздеваться. 45 и 47 полки продолжают наступать, говорят, взято в плен 1200 немцев-австрийцев, да, они, пожалуй, охотно идут в плен, это не германские немцы. Среди австрийских солдат много чехов, а они-то совсем не хотят воевать.

20 марта. Еще 16 марта вышли из деревни и находимся вот уже четверо суток на сопке в окопах. Все время укрепляем окопы, проволочные заграждения. Да, сегодня первый день пасхи. Дома-то иначе ее справляли. Осколком снаряда меня легко ранило в руку. Неприятель непрерывно посылает снаряды – это говорят «пасхальные подарки». Несколько человек уже было ранено и убито. В нашей роте убито сразу четырнадцать человек. Позиция здесь очень плохая, совершенно открытая местность. На противоположной сопке видны неприятельские окопы, но наши почему-то не отвечают на их выстрелы, говорят, что нет снарядов (!?). Вчера ниже наших окопов, то есть блиндажей в кустах мы грели и пили чай. Снаряды рвались в разных направлениях: то справа, то слева, то недолет, то перепет. Мы уже привыкли к этой музыке, сидим себе и спокойно пьем чай, как будто дома... Власов и я посмеиваемся над Савельевым. Он, как услышит где-то разрыв снаряда, сразу скорчится и ждет... Однако его страх был не напрасным: недалеко впереди разорвавшимся снарядом нас осыпало картечью. Власову пробило шинель и рубашку, легко ранило руку. Савельева также легко ранило в спину, меня к удивлению, не задело. Мы сразу же с кружками и котелками разбежались в разные стороны, затем, только стали подниматься в блиндаж, как снова разорвался снаряд впереди нас – падаем немедленно, и нас засыпает землей, листьями, чащей. К счастью, никто не пострадал, и мы благополучно вернулись в блиндаж.

24 марта. Пришли снова в деревню и здесь в более спокойной обстановке записываю о пережитом, о потере друзей, так нелепо погибших.

Это произошло 22 марта.

Вечером было тихо, и нас у блиндажа собралось шесть человек солдат – вышли покурить, поговорить, мне предложили махорки, но я отказался, говоря, «подождите, я спущусь в блиндаж и принесу папирос, которые у меня остались в кармане шинели». Только я собрался с пачкой папирос выйти наверх, как вдруг услышал взрыв разорвавшегося снаряда вблизи блиндажа, посыпалась земля, все выскочили. И тут мы увидели душераздирающую картину: во-первых, никого уже не осталось на месте, снарядом все были убиты, лежали в разных сторонах ноги, руки, головы и прочие органы, а на дереве было ужасно – висели внутренности организма. Это что-то было кошмарно.

В один миг погибло пять человек, молодых здоровых солдат. У меня сжалось сердце, и я заплакал: ведь только что я с ними разговаривал, какие хорошие были ребята, и вот уже их нет. Просто как-то не верилось. Да, спасли меня, пожалуй, папиросы, иначе, наверное, и меня постигла эта участь. Я не радуюсь, что остался жив, но как все же живой, переживаю гибель своих товарищей. Сейчас мы на отдыхе – Пасха, выдали нам хлеб, яйца, сало, а все это не радует – нет с нами наших солдат.

Мне солдаты говорят: «Ну ты, Фишелев, счастлив, был на волоске от смерти».

Прибыл в деревню священник и в одном из домов устроил моление, однако молиться долго не пришлось, так как в дом попал снаряд и священник сразу «заболел». Пришлось всем остальным молящимся также убираться. Как видно, до Бога молитва еще не успела дойти – снаряд опередил, так солдаты шутят... Весь наш батальон на отдыхе. День был хороший, солнечный – здесь уже начинает пригревать, но немцы не дают нам покоя. У меня что-то нога заболела – ступал, очень больно – снаружи образовалась опухоль красная и твердая, как раз на месте, где мне когда-то попал осколок снаряда и была небольшая ранка. Нога моя дает себя чувствовать. Опухоль все увеличивается, и ступать становиться все больнее. Заявлять, что я не могу ходить, уже поздно, да и околодка⁹ все нет, некуда пойти на прием. С большим усилием пришлось идти, когда разойдешься, не так чувствуется боль в ноге. Подошли к лесу и медленно стали продвигаться вперед, лес густой, затрудняет идти строем. Вскоре подошли к 48-му полку и вместе начали вести наступление под прикрытием нашей артиллерии. Быстро подошли к неприятельским окопам и сразу «Ура!» и легко на этот раз овладели позицией, захватив много пленных. Потерь у нас было немного. Говорят, что австрийцы не ожидали наступления с правого фланга, а поэтому не имели возможности и времени оказать сопротивление. Заняли еще одну деревню, так называемая Бейде-Вогово, 20 орудий, много пулеметов. А ноге моей все хуже и хуже, во время наступления не чувствовалось, а затем стало еще хуже, ужасно больно ступать. Завтра ожидается околодок, конечно, сразу же пойду на прием.

25 марта. Однако околодка еще нет, приложил к ноге согревающий компресс, как будто стало легче. Наконец прибыл околодок, пошел на прием. Опухоль была большая, разрежали – было ужасно больно, много вышло гноя. Фельдшер с такой силой нажимал, выдавливая гной, что мне темно стало в глазах, а его это мало беспокоит, это не медицинская помощь человеку, а коновала животному. Солдат должен терпеть.

Больных в околодке уже много, есть с опухшими ногами, а также легко раненые. Каждое утро приходит врач Розенблум, очень внимательно осматривает, видно, что сочувствует. А вот второй врач Савельев смотрит на солдат вроде фельдшера.

31 марта. Хожу на перевязку, но ступать еще больно.

⁹ околодок - устаревшее название медсанчасти.

2 апреля. Получил первые письма из дома, был очень рад. Это через 42 дня! Пока на фронте как будто затишье. Это не долго. Вот только 10 апреля меня выписали и снова включили на довольствие в роту. Начинаем строить новые окопы, толстые стены, потолок и толстый слой земли, одним словом, как будто крепость.

13 апреля. Пока находимся на отдыхе в деревне. Погода стоит теплая. Солдаты поют, играют на гармошке, как будто идет мирная жизнь, а не фронтовая. Но это все временно, недолго. Получил посылку из дома, очень рад, все здесь пригодится.

18 апреля. Окопы, блиндажи продолжаем укреплять, а также проволочные заграждения. Наш ротный командир на занятиях кричит, ругается и не стесняется ударить солдата. Негодяй получит по заслугам. Говорят, что командир полка его недолюбливает, а также ротные командиры других рот над ним смеются. Удивительно, что такому дураку поручают роту солдат, их жизнь.

20 апреля. Что-то говорят о большом наступлении немцев. В штабе действительно тревожно и обоз наготове находится. Почтальон-солдат по секрету сообщил, что наши отступают и немцы подходят к Дуклю, а ведь Дукля находится позади нас (!?). Вечером приказ – обозу и кухне быть наготове. Неужели и нам придется отступать? Из таких укрепленных позиций!

21 апреля. Сегодня у нас тревожно и, кажется, что ночью и нам придется уходить.

23 апреля. Уже на пути отступления. 22-го в 2 часа ночи все тронулись в обратном направлении – штаб, окоп, кухня, обоз, а затем и мы оставили укрепления – это значит отступление. Удивительно, что отступаем довольно тихо, нигде не слышно ни одного выстрела неприятеля. Всю ночь и день все назад и назад. Говорят, что отступать будем только до Свидника¹⁰, однако продолжаем отходить за Свидник. Оказывается, что и на Дукля идти нельзя, как видно немцы наступают в обход нашей армии. Наша дивизия вначале зашла далеко в Венгрию, фланг загнулся и вот теперь немцы заходят в тыл, прогнав где-то фронт. Приходится «выпрямлять» фронт. Теперь пошли на Ясло.

24 апреля. На Ясло и Кросно¹¹ тоже уже идти нельзя, так как немцы идут без задержки. Отступает пехота, кавалерия, госпиталь, тысячи подвод. Наши взорвали за собой мост и отходят все назад. Да, перспектива отступать не из приятных. Уж лучше бы заключить мир. Бесперывно находимся на ногах, и ноги дают себя чувствовать.

25 апреля. Не успели на остановке выпить чаю, как приказ отходить из Беска¹² на Санок¹³. Стояли мы у местечка Зарши¹⁴. По дороге много солдат потеряли свои роты. Все перемешалось, даже офицеры не могут найти свои роты, да и полки перемешались. Отступаем в беспорядке. Где наш обоз, а, главное – кухня, неизвестно. Уже сутки, как мы не имеем хлеба, а в местечках даже за деньги не продают, тем более за русские.

Ночью немцы уже начали усиленно наступать и, наконец, наша артиллерия стала действовать, а также и пулеметы. На рассвете мы увидели наступающих немцев. Это двигались колонны за колоннами, несмотря, как видно, ни на какие потери.

Канонада идет с нашей и немецкой стороны. Ничего не видно и не понятно. Наш правый фланг не выдержал и стал отступать, а также и мы в большом беспорядке стали тоже отступать. Не слышно никакой команды, а идет просто хаотическое бегство...

Находимся в городке Бжезов¹⁵. Здесь сосредоточилось очень много войска, многие не могут найти свои части, как будто беженцы. Мы тоже не лучше, так как не знаем, где наш полк и обоза тоже нет. Мне удалось в местечке за кусок мыла достать немного хлеба, поделился, конечно, с Власовым и Савельевым. Мы крепко держимся друг за друга, все как-то веселее – свои. Жаль мне их, они совершенно не в состоянии идти, оба натерли ноги до крови, а идти ведь придется, как говорится, плачешь, да идешь. Наверное, придется отдать Галицию, за которую положено много жертв. По дорогам отступают вместе с нашими солдатами галициане, худые, изнуренные женщины, девушки, маленькие дети, старики – босые голодные тащатся на своих фурах, запряженных парой волов или коров, еле передвигаются. Больно смотреть на этих бедных людей, за чем они страдают, чем они виноваты, что паны дерутся...

В это же время идет стрельба, грохот орудий, лошади в испуге бросаются, телеги переворачиваются, оси ломаются. Что-то ужасное творится. Пожалуй, беженцы переживают больше, чем солдаты. Но мы им, к сожалению, ничем помочь не можем, даже детям хлеба мы не имеем. Куда они едут, что их ждет еще впереди? Возможно, здесь немцев удастся задержать, так как нашего войска много сосредоточено, все дело в командирах. На горе видно, расположились казаки, а внизу, в городе, расположились солдаты по домам, жителей нет, все ушли. Солдаты занимают любой дом, а некоторые и на дворе устроились. Однако не слышно никакой команды, никаких приказов, как видно высший командный состав потеряли головы. Только наша артиллерия не умолкает, бьет по немцам, но едва ли это остановит их наступление, так как у нас идет бегство без сопротивления.

Плен

28 апреля. Итак, наконец, наступил финал, и так для нас неожиданно. В ночь на 27 апреля мы, как и все, расположились ночевать в одном доме в нижнем этаже. Во дворе стоял обоз какой-то части и утром мы предполагали пойти дальше. Мы рады были, что придется, хотя немного отдохнуть, поспать после пятисуточного непрерывного отступления, в особенности ноги дают себя чувствовать. Однако не суждено нам было отдохнуть. Ночью примерно в 2–3 часа мы услышали какой-то крик, шум и вдруг в нашу комнату ворвались немцы с фонарями, в касках с ружьями наизготовку. Сразу для нас стало ясно и страшно, мы вскочили на ноги, а некоторые даже находились на коленях, руки все подняли вверх. Немцы что-то кричат: «Гевер, гевер», а что такое за «гевер», мы понятия не имеем. Вскоре они нашли наши винтовки, которые мы поставили за печку, и снова: «гевер, гевер», – это как вроде и есть винтовки. Штыки все держат направленными на нас. Ну, думаю, пришел конец, сейчас начнут штыками действовать. Но они нас не тронули, а только кричат: «Эраус», и показывают на дверь, выходить надо. Это мы уже поняли. Пригнали нас на городскую площадь, там уже было много народа, как видно взятых в плен, в темноте мы не могли рассмотреть людей, а когда уже светло стало, то увидели, что вся площадь занята нашими солдатами. Затем нас всех погнали за город, а там было еще больше пленных и все время прибывали и прибывали новые партии.

Так как наша артиллерия стреляла по городу, то нам приказано было располагаться подальше, вдоль дороги, и не вставать. Вблизи от нас находилась немецкая артиллерия и адски стреляла по нашим отступающим войскам. Весь день мы

¹⁰ Свидник - *Svidnik*, Словакия.

¹¹ Кросно - *Krosno*, Польша.

¹² Беска - *Besko*, Польша.

¹³ Санок - *Sanok*, Польша.

¹⁴ Зарши - *Zarszyn*, Польша.

¹⁵ Бжезов - *Brzozów*, Польша.

шли, и только в Кросно нам выдали по одной банке консервов, но без хлеба. Спать расположились на площади на камнях, утром еле-еле отогрелись. Когда рассвело, то увидели над головой ужасное зрелище: висели трое мужчин в петле, посиневшие с искаженными лицами. О, как было страшно смотреть. Утром без всякого завтрака или хотя бы горячего чая, погнали нас дальше. Часов в 12 дня пришли в Ясло, здесь уже была большая группа пленных.

29 апреля. Поздно вечером пришли в местечко. Еле дошли, ноги ужасно болят, сапоги у меня продырявились пальцы снаружи, а некоторые идут босиком, побросав сапоги. Утром напились чаю, немного теплее стало. Хлеба дали очень мало, сразу же съели.

30 апреля. Вчера прибыли в местечко Горлиц¹⁶. Здесь нас накормили рисовой кашей, немного подкрепились. Удалось купить винных ягод, когда конвоиры не видели. В два часа прибыли в Грибов¹⁷. Город выглядит хорошо, не пострадал, нет разрушений. Отсюда уже начинается железнодорожное сообщение. Тыл у немцев был в хорошем состоянии, нет разрушений. Поезда идут один за другим, нагруженные военными припасами. Также и автомобильное сообщение налажено регулярно. Ночью прибыли в местечко Ново-Сонч¹⁸, прошли по улицам города. Везде чисто, красивые здания. Расположились во дворе.

1 мая в 12 часов дня нас отправили поездом. Говорят, что до этого также много пленнх отправили, и еще много осталось. Таким образом, до железной дороги нас прогнали в течение пяти суток, может быть, теперь в поезде отдохнем. Однако загнали нас в вагоны. Хуже, чем скот, по 70-80 человек, как сельдей в бочке, без нар, прямо на пол, ни сесть, ни лечь. К счастью, нам достался вагон с решетками, иначе можно было задохнуться.

2 мая прибыли на станцию Кошице¹⁹. Сюда прибыла партия пленнх в классных вагонах. Им гораздо лучше, чем нам.

3 мая. Продолжали ехать. Гор становится все меньше и реже, местность более ровная и уже засеяна хлебами. Рядом с железной дорогой проходит шоссе, усаженная по сторонам лесом. Как хорошо по такой дороге ехать, не то, что у нас по грязи весной и осенью утопаем. В дороге кормят нас очень плохо, все время мы голодны.

4 мая. Ночью проехали Будапешт, жаль, что не днем.

5 мая. Вчера вечером приехали в Вену, где получили ужин. Утром нас напоили кофе горячим с хлебом. А затем повели через город на другой вокзал, наверное, с целью показать жителям, сколько взято пленнх. Вена выглядит красивым городом, кругом порядок. День очень теплый, на улицах города, на верандах много жителей Вены, на нас смотрят внимательно, разглядывая. Однако я не видел, чтобы кто-нибудь смеялся или улыбался, наоборот, я заметил, как женщины утирают слезы. Возможно, многие думают, что их пленные в России также обречены и имеют такой же вид. Вид-то у нас действительно не из опрятных – грязные, обросшие, немывтые много суток, много босых с обгоревшими шинелями, исхудалые, изможденные. Еле двигались, как тяжело больные. Десять суток мы не имели возможности поспать как следует, поесть досыта, помыться. Мы не только физически устали. Но и моральный дух у нас был подавлен. Все это, конечно, отражалось на нашем внешнем виде.

Наша колонна растянулась через весь город. Не видно было ни головы, ни хвоста, наверное, несколько десятков тысяч. Во время следования вдруг колонна остановилась, наши ближайшие конвоиры-мадяры, уехали вперед узнать причину остановки. Пользуясь отсутствием мадяр, я посмотрел вперед и назад, никого нет. Я подошел к одному дому, на веранде которого были две старушки и две девушки. Я попросил: «Битте вассер, тринкен». Одна старушка что-то сказала девушке, та быстро мне принесла воды. Но я успел сделать только глоток, как услышал и увидел, что на меня мчался на коне мадяр с поднятой угрожающе пlectью. Девушка закричала, убежала, а я остолбенел, ожидая удара нагайкой по голове. Но вдруг я услышал, как на веранде закричала на мадыра старушка и, возможно, по-мадырски. Он сразу же опустил пlectь, а я скорее скрылся среди своих. Если б только эта женщина не закричала, то мне бы плохо пришлось, мадыры очень злые, для него ничего не стоило меня вообще искалечить или даже убить. Были случаи, когда они стреляли в пленнх.

Прибыли на вокзал, как видно на погрузку для отправки в другое место, наверное, в лагерь для военнопленнх. На станции много публики, прибывшей посмотреть на пленнх русских, точно на зверей в клетках зоопарка. Однако всех нельзя обвинять в этом, так как видно, многие сочувственно относятся. И в наши вагоны стали бросать хлеб, шоколад, папиросы, только, к сожалению, варвары мадыры прогоняют публику и угрожают стрелять.

6 мая. Вчера весь день ехали, а сегодня в 12 часов дня прибыли в город Брюкс²⁰. Со станции по 100 человек партиями нас повели в лагерь военнопленнх, в котором уже много находилось ранее нас взятых в плен в Карпатах. Вначале дали нам поесть, а затем уже повели в баню, где нас основательно подстригли и помыли. С зеленым мылом, так что наши паразиты смылись. Все наши вещи подверглись дезинфекции, и тоже паразиты погибли – вши, а их накопилось немало! Затем нам выдали чистое бельё и повели в отдельный санитарный барак, в котором я и взялся писать, сначала описать наши мучения.

Хотя нам пока матрацев не выдали, лежим на досках, подстелив под себя шинель, но зато физически и душевно отдыхаем после многих мытарств: наступления, отступления, пленения, переходов – все это уже позади! Как будто с плеч спала тяжелая обуза, давившая нас все время. Главное – остался жив и невредим, чего больше всего боялся – остаться калекой, лучше не жить.

Пожалуй, немцам надо отдать справедливость в аккуратности и главным образом они следят за санитарным состоянием бараков и гигиеной пленнх. Это очень хорошо, гарантирует от внесения какого-либо эпидемиологического заболевания.

7 мая. Выспались как следует, спали богатырским сном, и сегодня чувствуем себя отдохнувшими. Надо теперь знакомиться с жизнью лагеря, с пленными, искать земляков-сибиряков. Обозреваю лагерь, здесь группа лагерей, начиная с букв А, В, С и так далее, расположенных за городом.

Наш лагерь «В» занимает площадь примерно 4 десятины²¹. 26 бараков в 3 ряда, в том числе кухня, прачечная, околос, мастерские и склады. Везде видна чистота, порядок и хорошее санитарное состояние.

10 мая. Да, мы действительно настоящие пленники. И даже можно сравнить с арестантами. Все лагеря обнесены проволочными заграждениями и довольно высоко, часовые бдительно охраняют днем и ночью. Не разрешается пойти даже в соседний лагерь. Свобода в полном смысле ограничена. Это не то что у нас в России – пленные ходят куда угодно. Хлеба выдают очень мало, 400 грамм в день – это фунт, приходится много покупать у околосочных по 1 рублю за 2 фунта.

Утром в 6 часов получаем черпак чая, в 12 часов – обед: суп с крупой и кашу кукурузную, вечером – суп. Конечно, этого мало и все голодные. Иногда варят рыбу, есть ее совершенно невозможно, черная, грязная. И одни кости. В околоске

¹⁶ Горлиц - *Gorlice, Польша.*

¹⁷ Грибов - *Grybów, Польша.*

¹⁸ Ново-Сонч - *Nowy Sącz, Польша.*

¹⁹ Кошице - *Košice, Словакия.*

²⁰ Брюкс - ныне *Most* в северо-западной Чехии – до 1918 года был в составе Австро-Венгрии, по-немецки *Brüx, Brücke* – мост.

²¹ десятина — единица площади в России до 1918 года, равная 1,09 га

медицинский персонал получает лучшую пищу. Да, пожалуй, многие, которые уже давно, сумели устроиться где посытнее. Лагерная администрация: комендант, профос²² следят за порядком. Пленные сюда прибывают ежедневно. Сегодня малопомалу успел познакомиться с некоторыми пленными, ранее прибывшими. Это Штром Тартаковский. Еще один, так называемый «Мойше» без фамилии, который всегда кричит, какой-то сумасшедший. В наш барак прибыл некто Гольдберг из Риги, студент, хорошо владеет немецким.

Староста барака у нас некто Бронштейн из Киева, мне кажется, это просто авантюрист. Я его еще в первый день нашего плена заметил в дороге следования. Он все старался поближе к офицерам в качестве переводчика. Здесь он сумел втереться старостой барака. В дороге он некоторых обманул, выманил деньги, обещал скоро вернуть.

19 мая. Несколько человек нас ходило, кто умеет писать латинским шрифтом, переписывать вновь прибывших.

Еще познакомился с вольноопределяющимся²³ Файнштейном, обещает заниматься с нами по-немецки. Какой-то немного странный.

21 мая. Почувствовал себя неважно. Болит голова, жар, ходил в околодок. Температура 38 градусов, положили в околодок.

22 мая. Нахожусь в околодке. Температура уже 39 градусов. Здесь много больных. Утром приходил врач, каждого больного спрашивает, прослушивает и в соответствии назначает лекарство и лечение. Врач-немец, немолодой, лет 60-ти, в чине капитана, строгий и, говорят, сердитый. Кормят здесь больных лучше, чем в бараках.

25 мая. Нахожусь еще в околодке. Температура доходила до 39,8, но сегодня уже понизилась до 38. Диагноз – инфлюэнция в лёгкой форме.

26 мая. Сегодня уже лучше, температура нормальная, но наши «медики» говорят – лежи еще немного. Здесь все же лучше, и питание, и уход. Славные ребята, они хотели бы, чтобы я подольше полежал, но врач, конечно, не разрешит.

27 мая. Сегодня выписался и снова в барак. Купил учебник и словарь для освоения немецкого языка. Словарь очень хороший – русско-немецкий и немецко-русский с подробными пояснениями, послал домой телеграмму через коменданта. Встретил здесь земляка-сибиряка Митяева и приписал его к телеграмме. Папа передаст Русакову, а те в Горланово²⁴. Вот будут рады, что сын жив и находится со мной.

29 мая. Идет лихорадочная уборка лагеря, а в особенности околодка. Моют, чистят, дезинфицируют и прочие мероприятия. Ожидают прибытие комиссии во главе с генералом или консулом.

2 июня. Время идет без перемен. Однообразная жизнь, скучная, с переживаниями. Лишены всякой свободы и сношения с внешним миром. Сегодня снова ожидается прибытие генерала. Это уж третий день, а его все нет, однако нам покоя не дают: выгоняют из бараков, выстраивают, кричат и прочие прелести. Вчера спешно переписывал два барака – поляков и татар.

Говорят, что их скоро куда-то намерены отправить. Поляков возможно в Польшу. А куда татар? В Казань?

4 июня. Сегодня утром весь лагерь выстроили, выровняли, особенно старались фельдфебели, стараются выслужиться перед начальством – шкуры царского режима. В 11 часов, наконец, прибыло высокое начальство: генерал-немец лет пятидесяти в сопровождении еще двух офицеров, наш комендант. Быстро обошли всех, никого не спрашивали и проследовали в другой лагерь. Какая цель посещения нам, конечно, не сказали.

6 июня. Продолжаем переписывать пленных. Сегодня окончили весь лагерь.

13 июня. Сегодня перешли в другой лагерь «Е», он расположен в более оживленном месте, так как с трех сторон проходят шоссевые дороги, а затем, вокруг лагеря больше зелени и воздух лучше. Нет поблизости фабрик и копей. Будем, ребята говорят, воздухом питаться...

15 июня. Сегодня наш барак (220 чел.) ходил на станцию, на разгрузку продуктов. Питание здесь немного лучше. Несколько бараков отправляют на работы, а с тех, кто остается, снимают взамен сапоги и отдают уезжающим. Получается поистине «тришкин кафтан».

У нас хороший теперь староста барака – Мориц Касриель. Хороший парень. Я рядом с ним на нарах. Он хорошо владеет немецким, польским, русским языками. Он из Польши, жил на границе Германии и там же учился в немецкой школе...

Еще один рядом с нами поместился: Борис Смоляницкий – зубной техник, тоже хороший простой парень.

Мы скоро все подружились. Файнштейн тоже здесь в лагере.

Занятие мы у него прекратили. К тому же он сам плохо владеет немецким языком, да и какой-то наивный парень: говорит, что окончил гимназию, но ума не набрался. В нашем бараке еще находятся Цвагенбаум, Гольцер, Бузер, Аврутан, Мейль, Либерман, Невидзе и др.

Немцы снова заговорили о своих победах. Как-будто, взят Львов. Что-то не верится.

18 июня. Питание ухудшилось, всё время все чувствуют себя голодными. Недоедание конечно сказывается. Кормят «жареной водичкой». Сегодня был на станции, перебирали гнилой картофель. Запах ужасный. Вот этим кормят пленных. В воскресенье много гуляющих проходят по шоссе вблизи лагеря. На нас смотрят с любопытством, как в зоологическом саду смотрят на зверей за решеткой.

Театр в лагере

25 июня. Комендант разрешил организовать театр для военнопленных, отвели специальный барак. Есть художник, парикмахер, также есть артисты профессионалы и, конечно, будут любители.

26 июня. Работы по устройству идут быстро. Декорации уже вскоре будут готовы, художник Кальницкий. На одном полотне лес, в лесу дорога, на другом украинские халупы, белые, вид очень хороший – полная иллюзия действительности. Также организованы небольшой струнный оркестр, дирижер, мандолинист – прямо виртуоз. Состав артистов: Гиммельфарб – одессит, хороший развитый не глупый парень, что называется артист, но не профессионал. Затем Гликман, Бердянский, фамилии других я не знаю. Еще узнаю: Хельминский, Норват, Эстерзон – эти, кажется, профессиональные еврейские артисты.

28 июня. Репетируют водевиль в одном действии «Шельменко-денщик». К сожалению, нет ничего на русском языке для постановки. Общими усилиями начали переводить с немецкого «Der Vater» – «Отец», главный переводчик Файнштейн, он же принят в театр в качестве «Директора». «У меня», – он говорит, – «талант творчества». Напишу для театра драму «Жизнь военного времени». Однако из этого «творчества» ничего не получилось. «Директор», перессорившись, вышел из театра. «Скатертью – дорога», – его напутствовали.

²² профос - в старых воинских уставах – ответственный за содержание арестантов, за уборку.

²³ вольноопределяющийся - в Российской армии нижний чин, поступивший на воинскую службу добровольно и пользовавшийся определёнными льготами.

²⁴ Горланово - населенный пункт недалеко от Татарска и Казаткуля, сейчас его нет.

2 июля. Из лагеря много пленных отправляют на работы, осталось всего четыре барака. Ожидают прибытия новых пленных. В театре идут ежедневные репетиции, а также музыкальные – сыгрываются. Вот под звуки музыки в театре сижу и пишу. Играют очень хорошо слаженно – танго. В ожидании прибытия снова какого-то генерала вечером уже выстроили весь лагерь, простояли под дождем часа два –пустили.

Сегодня снова с 8 часов утра построили. «Комендант» требует от пленных дисциплины: чтобы было смиренно, правильно построены ряды, сам ходит, ровняет ударами палочки. Между прочим, он частенько наказывает пленных даже за пустяки по 25-50 ударов. Нечего сказать, гуманное обращение. Генерал снова не приехал, но как видно, его ожидали, а потому сегодня улучшили обед: рис с мясом. Ребята смеются, говорят, что, наверное, Франц-Иосиф именинник! Сегодня нам объявили, что прием писем прекращен до урегулирования с Россией, которая неаккуратно доставляет письма австрийским пленным в России.

4 июля. Наконец-то генерал посетил наш лагерь. Был в театре, который ему понравился, советовал увеличить оркестр музыкантов. В театре белят стены, скоро проведут электрическое освещение. Сегодня я, Смоляницкий, Бузер перешли в 16-й барак, зачислены в команду штатных.

8 июля. Зачислен в цех мастеров по ажурному выпиливанию. В лагере начали следить за чистотой, часто в баню буквально гонят наших солдат, так как они неохотно идут мыться.

9 июля. Театр еще не открыт. Остановка за электроосвещением. Ходил с Аврутиным в офицерский лагерь, где строят новые бараки. Офицеры в лагере имеют бильярд, игры, карты и питание хорошее. Обратились в город. Брюкс чистенький городок. Городской театр красив. Публики по городу много, одета хорошо, на нас смотрят с любопытством. Наскоро зашли в кондитерскую и решили полакомиться – купили пирожных, 12 грошей²⁵ за штуку.

12 июля. Бердянский получил четыре открытки, счастливец, когда я получу, наверное, не скоро.

13 июля. Вчерашний день, наконец, ознаменовался открытием театра. Вход был свободный – театр был полон. Сначала русский хор пропел в память павшим в бою товарищам, воинам, музыка исполняла похоронный марш. Гиммельфарб сказал несколько слов о цели театра: дать возможность пленным некоторые развлечения и отвлечься в этой тяжелой жизни пленных.

15 июля. Вчера ставили первый спектакль на еврейском языке: «Хинька-Пинька»²⁶. Хиньку играл Хельминский, Пиньку – Норват. Оба показали жизненных типов, было много комизма в их игре. Эстерзон играл Гаврилка, он довольно удачно типа показал, играл с душой, у него наоборот было много трагизма. Много было австрийцев, оба профоса, комендант. Спектакль прошел сравнительно хорошо, принимая во внимание, что артисты – любители. Играли впервые, так что для начала можно сказать – хорошо. Вход платный – сбор был 33 кроны, деньги пойдут на приобретение различных материалов для театра. Парикмахер Пиндрик неплохо гримирует.

18 июля. Вчера русская труппа ставила «Драма в шантане» и «Денщик подвел». Я суфлировал. Гликман играет из рук вон плохо, меня это ужасно бесило. Он буквально все забывал, приходилось по несколько раз ему подсказывать. Вот Гиммельфарб играл замечательно, ему не надо подсказывать. Он старался еще как мог маскировать дефекты Гликмана. Карминский тоже свою роль провел хорошо. В спектакле «Денщик подвел» Гликман снова врал безбожно, не знал слов и не слышал, когда я ему подсказывал. Гиммельфарб в роли Сидоренко также играл хорошо и вывозил Гликмана. Софью играл Армаш – хорошо, загримирован он был великолепно, выглядел довольно симпатичной «девушкой», солдаты острили. Марфу исполнял Смоляницкий, очень он комично выглядел в женской роли, но играл хорошо. Публика много аплодировала и осталась довольна.

20 июля. Вчера поставили «Шабеш кейдеш» и «Драма в шантане». Комендант остался доволен и просил в следующий раз поставить «Шабеш кейдеш».

Как видно, в каждом театре есть своя закулисная сторона жизни, не исключая любителей, и даже в плену. Здесь должно быть, наоборот, объединение, но не разъединение, т.к. пленные находятся в особых неблагоприятных условиях. Хельминский, поссорившись, отказался играть, вместо него репетировал Вайсбург, которому скорее подходит извозчиком быть, чем на сцене.

Краснянский передал коменданту, что в театре идут раздоры между артистами. Вот негодяй, подхалим, набить бы ему следовало морду за донос на пленных немецкому коменданту. Комендант приказал Хельминскому играть и предупредил, что если в театре артисты будут так себя вести, то он закроет театр.

Между тем, в театре ежедневно продолжаются ссоры. Черт знает, кто виноват. Главное – это нет здесь настоящего режиссера-режиссера. Гиммельфарб хочет уехать на работы. Каждый хочет быть старшим, а организовать не может.

23 июля. Вчера все же играли «Хиньку-Пиньку», однако играли вяло, первый раз лучше, с большим подъемом.

24 июля. Вчера ставили «Шабеш кейдеш» и «Драма в шантане». Это по просьбе австрийцев, конвоировавших русских пленных, вновь прибывших, взятых под Люблином. Наши, как вроде, все отступают. Спектакли прошли хорошо, и австрийцы были довольны.

Вокруг лагеря роят глубокие канавы, боясь как вроде побегов пленных, а охранять у них мало стало кому. Все мобилизованы и отправлены на фронт. У охранников, говорят, только берданки и по одному патрону.

В нашем бараке был обыск, у кого нашли лишнее из одежды – забрали. Говорят, что австрийцы взяли Варшаву, Ивангород.

27 июля. Я уже завидую тем, кто получил письма, а мне все еще нет.

30 июля. Вчера ставили «Das Judesche Herz» и можно сказать хорошо.

Сегодня ходили хоронить одного пленного. Печальная картина: на чужбине, без родных, безвременно умер человек. На кладбище уже 93 погребения, памятники – простые деревянные кресты.

В госпитале видел Власова, бедняжка, что-то похудел, говорит, что скоро выпишут. Я уж о нем соскучился, хороший простой крестьянин.

2 августа. Жизнь течет однообразная, скучная. Отправлено 500 человек на работы. Трое пришли из-под ареста за побег, просидели месяц.

3 августа. Вчера ставили «Жизнь за царя». Гиммельфарб в роли Сусанина играл превосходно. Тысовский – Ваню, тоже хорошо, Пиндрик и Сигал – поляков. В общем, спектакль прошел хорошо.

5 августа. Сегодня день рождения Франца-Иосифа. Повсюду флаги, на работу никого не посылают. Заболел наш главный артист Гиммельфарб, отправлен в госпиталь. Без него в театре, кажется, ничего не будет.

²⁵ здесь и далее автор называет «грошом» австрийскую разменную монету геллер, сотую часть кроны.

²⁶ «Хинька-Пинька» - мелодрама И.Латайнера "Жена, или Хиньке и Пиньке».

6 августа. Бродянский получил одновременно 14 открыток – вот счастливец! Я до сих пор из дома ничего не имею. Очень беспокоюсь. Смоляницкий получил уже перевод, Бузер – письмо. Мне ничего, да и многие не получили.

8 августа. Смоляницкий получил даже посылку. Рад за него, главным образом за перевод, так как у него не было денег.

Перевели два действия «Разбойников» Шиллера. Гликман надеется поставить, сомневаюсь. Это доступно профессиональным хорошим артистам. Уже третий раз ставят «Жизнь за царя». Пиндрик в роли Сусанина, но это не то, что Гиммельфарб. Остальные – те же роли исполняли. Спектакль прошел неважно, но как говорится «на безрыбье и рак – рыба». Публика все же посмотрела и отвлеклась.

Погода стоит скверная – дождь, грязь и прохладно.

13 августа. Говорят, что в России – манифест о полном равноправии всех национальностей. Это очень хорошо, если только правда.

14 августа. Сегодня пришел Власов, мы оба были рады встрече. Он сибиряк из деревни Чулым. Говорю ему: «Как только вернемся, обязательно побываем друг у друга». Он занимается крестьянством.

15 августа. Сегодня рано утром вышел погулять, посмотреть, что делается за проволокой. Небо к счастью чистое, день будет теплым, и даже, возможно жарким. Но по шоссе, как видно, уже давно движение взад и вперед, мужчины, женщины, девушки, все как-то деловито спешат, кто, наверное, на фабрику, кто в контору, а кто на рынок. А вот девушка с корзиной, определенно спешит, на велосипеде, на рынок купить что-нибудь из зелени: вилок капусты, пару морковок, огурчиков и прочих овощей – всего понемногу. А вот группа велосипедистов – эти уже спешат на работу, за ними катится девушка в белом переднике, наверное, горничная, а может сама Frau, симпатичная блондинка. На мое «Guten Morgen», отвечает, тоже улыбается. А вот уже «конный» транспорт: пара пегих волов тянут воз бревен еле переступая, а им спешить некуда, так и кучеру, сидящему с привычным спокойствием. Пощелкивая изредка кнутом, не выпуская изо рта своей неизменной трубки, которую он вынимает только когда ему нужно ее заполнить табаком, или же поесть, поспать. Часовые медленно расхаживают вдоль проволочных заграждений лагеря. На большой черной собаке, запряженной в маленькую тележку, три мальчугана везут из города что-то. Вот птичка сидит на проводе, свободно порхает и даже не боится часового! А вот здесь по эту сторону проволоки-заграждений люди лишены свободы, цивилизованные культурные люди 20-го века. Эх жизнь!

А из дома ничего нет! Бузер получил даже письмо.

16 августа. Вчера ставили «Одесский Маклер» и «Апчхи». Спектакли прошли удовлетворительно. Впервые к нам пришел пленный из лагеря «F», тоже Гликман, но совершенно противоположен нашему «артисту» Гликману. Он очень симпатичный человек и играл довольно хорошо, видать добряк.

17 августа. Ходили гулять по разрешению профоса-чеха, пять человек с одним постом²⁷. Прошли одну деревушку поблизости лагеря – каменные одно- и двухэтажные домики, чистенькие улицы, дома, в порядке и производят хорошее впечатление. После этой маленькой прогулки вне лагеря настроение улучшилось, но вместе с тем не забывается, что мы пленные.

19 августа. Вчера ставили «Суламифь». Пьеса написана на память Эстерзоном и Норватом. Как-то не чувствуется цельность, а потому возможно, и не оставляет хорошего впечатления. К тому же роли неправильно распределены.

30 августа. Наконец и я получил первые письма из дома. Это через четыре месяца плена! Я очень рад, что все здоровы.

Ставили «Фатерес, маме цорес». Исполнили неплохо. Карминский, Цирюльник, а также Эстерзон, все играют отлично. Особенно надо отметить исполнение женских ролей Карминским, Цирюльником. Пиндрик просто молодец, сумел так их загримитировать. Получил письмо еще от папы от 20 июня.

2 сентября. Ставили новую пьесу «Отец-убийца» и драму «Барабан не свой брат». Комедию сыграли хорошо, публика много аплодировала.

4 сентября. Вчера был знаменательный день в театральной жизни. Русская и еврейская труппы снова соединились. Избрали директором Хельминского, казначеем Гликмана и меня секретарем. Надолго-ли будет мир?

Ходили в лагерь «H», в котором собрались из всех лагерей евреи в день праздника. Вечером вернулись и в театре устроили концерт. Вход был свободный. Пели, играли, декламировали. Я декламировал «Хвостик», «Белое покрывало», одним словом, кто что умел. Продолжался концерт до 11 часов в хорошем настроении. На время немного забылось о пленной жизни.

6 сентября. Вчера комендант закрыл театр в наказание за то, что вместо разрешенных идти в лагерь «H» 5-6 человек ходили 15 человек.

9 сентября. Театр пока закрыт, мы ничего не делаем. И как-то стало скучно. Перевели нас в 20-й барак. Питание стало очень плохим, даже есть невозможно, черт знает, что дают.

28 сентября. Перешли в лагерь «F», скучный, грязный. Сегодня с партией пленных уехал Дименштейн.

1 октября. Ходили на станцию и на хлебопекарню за получением хлеба. Прошлись по городу, на нас все еще смотрят с удивлением.

7 октября. Проводили 200 человек на сахарный завод. С этой партией уехали Гиммельфарб, Файнштейн, Бродянский, Штейн и другие. Завидуем им, конечно, там будет лучше, хотя придется работать днем и ночью часов по 10-12 за смену! Власов и Митляев тоже уехали. Да, без Гиммельфарба будет скучновато.

14 октября. Получил перевод 36 крон. Сколько было переведено рублей не знаю. Наконец комендант разрешил играть. В театре ставили «Апчхи». Я не мог быть, так как заболела рука – опухоль, наверное, простыл.

16 октября. Нарыв прорвался, было много гноя, крови, и стало теперь лучше.

17 октября. Получил письмо от Раси²⁸, очень обрадовался, чем-то родным повеяло!

27 октября. Театр снова закрыт, так как барак нужен для склада.

4 ноября. Снова театр открыт и разрешено играть. Избрали директором Рудковского, ответственным руководителем Хельминского, секретарем и казначеем меня, ну, а также и суфлером.

5 ноября. Вчера ставили «Бувальщина» хор и танцы. Присутствовали комендант и еще три офицера-немца. Публики было много, все остались довольны.

7 ноября. Снова ставили «Бувальщина» и два акта из «Хинька-Пинька». На этот раз было 12 офицеров по приглашению, конечно, нашего коменданта. Как видно, захотел похвастаться. Норват играл хорошо – показал тип настоящего галицианского еврея.

16 ноября. Приезжал Файштейн, рассказывал, что на сахарном заводе хорошо, питание хорошее и время проходит лучше, чем в лагере.

²⁷ здесь и далее автор называет «постом» конвоира.

²⁸ старшая сестра

26 ноября. Вчера и сегодня идет лихорадочная работа по уборке и чистке лагерей. Снова ожидается комиссия, а главное, будет русская сестра милосердия в лице графини Шереметьевой, и других представителей Красного Креста. Солдатам выдают белье, сапоги, щетки и прочее, хотят показать, как немцы заботятся о русских пленных. Наверное, и обед приготовят лучше, чем всегда.

30 ноября. Ставили пьесу «Поцелуй Иуды». Пьеса бессодержательная, просто чепуха, жаль времени!

1 декабря. Ходил к зубному врачу, хотел запломбировать зуб, но врач отказался, говорит, что нужно удалять, я пока не решился.

12 декабря. Сегодня по новому стилю Рождество. Австрийцы празднуют, и пленные освобождены от работы.

Возвратилась партия с сахарного завода, так как закончили переработку свеклы, рассказывают, что было хорошо.

15 декабря. Три дня праздника Рождества играли в театре «Я умер», «Медведь». Два раза ставили «Хасе ди естли». Один спектакль бесплатный – «Денщик подвел» и «Барабан не свой брат». Декламировали, и танцы (я прочитал «Дрозд» и «На Волге на Дону ли», всем понравилось). Вечер, в общем, прошел хорошо. Гиммельфарб как всегда играл великолепно. На время пленные хоть немного забывали о своем тяжелом положении.

17 декабря. Наконец дождались русскую сестру милосердия графиню Шереметьеву! Была почему-то одна из России, хотя в сопровождении одного датчанина, австрийского генерала, обер-лейтенанта. Да, как-то странно видеть свободного человека из России, в то время когда война еще продолжается. На вид она уже немолодая, седая, среднего роста, её серые глаза и, вообще, выражение всего лица симпатичны. Выражает всем пленным сочувствие, многих расспрашивает о жизни в плену. Утешала, просила жить между собой мирно, терпеливо переносить плен. Была в театре, очень понравилось, обещала прислать музыкальных инструментов, 1000 крон жертвует на церковь, 200 крон на памятник умершим в плену. Обещала урегулировать почтовое сообщение.

26 декабря. В театре устроили елку, пел хор, танцы, а затем ставили «Татес тамес цорес». Вечер прошел удачно, публика осталась довольна.

1 января 1916 года. Вот и новый год, и год как я выехал из Омска на фронт. Сколько за это время было переживаний на фронте, в плену, скитаний и много других лишений. Сколько было моментов, как говорится, «на волосок от смерти». Что-то даст нам Новый год.

3 января. Ходили в лагерь складывать дрова. Пока нас оставили в покое.

7 января. Театр закрыт, время тянется мучительно, безделье хуже всего. В бараках стало холодно, так как угля мало дают.

9 января. Комендант все-таки внял нашим просьбам. Бузера и Гиммельфарба наказал 5 сутками ареста. Получили из Берлина книжечку «Крейцера Соната», также и словарь. Теперь мы можем самостоятельно лучше изучать немецкий язык.

Сегодня мы явились свидетелями новой меры наказания пленному в лагере. Провинившегося пленного привязали за руки и ноги к столбу в висячем положении. Это варварское наказание. Вот вам и немецкая культура.

12 января. В газетах сообщают, что Болгария просит мира. Сербия и Италия близки к этому, а Персия – против, готовится воевать против России. Но газетным сообщениям нельзя придавать значения.

14 января. Говорят, что из лагерей будут всех отправлять на работы, чему мы рады – лучше, чем в лагерях.

18 января. Вчера ставили в театре «Hungermann und Karpmann» небольшой концерт, хор пел, танцевали, декламировали. Я прочитал снова «Хвостик»²⁹.

*Не знаю, как и почему,
Зверей владыка, лев могучий
Велел народу своему к нему
Собраться в лес дремучий.
Вот звери и пустились в путь,
Сперва прошли кто познатнее,
За ними те, кто половчее
А прочий скот:
Верблюды, волы, мул здоровый,
Полезный скот, всех позади идет.
Вдруг поросенок прибежал.
Вертит хвостом, хлопчет.
Вперед других пробраться хочет.
Да где ему, и глуп, и мал
И позади он остался,
Да, к счастью с тетей повстречался...*

Ну и так далее.

«Дрозд»

*«Охотник, охотник, продай мне дрозда!», –
Так мальчик вскричал, подбегая к стрелку.
Тот взглянул, рубашонка худа на ребенке.
«Продать не беда, у вас гольшей
Немного найдется грошей,
А дичь дорогая: два злота,
Дешевле продать нет расчета!»
«Ты просишь два злота,
Я столько имею теперь,*

²⁹ «Хвостик» - юмористическое стихотворение 80-х гг. XIX в. поэта А. Франка пользовалось в свое время большой популярностью, печаталось в различных «чтецах-декламаторах», его читали с эстрады, а ставшая крылатой цитата из него – «За хвостик тётеньки держаться» - служила для обозначения протекции «своему человечку».

Но деньги мне нужны, поверь,
 Иду я в аптеку (лекарство купить)
 Микстуру ей лекарь велел принимать
 Три ложечки в сутки и дичью питаться.
 Не жить ей, кормилице долгого веку,
 Охотник, возьми полтора.
 «Два злата, дешевле продать нет расчета»
 Охотник, охотник, что просишь, любезный, ты за дрозда»,
 Так барин в коляске, прищуривши глазки,
 Спросил, подъезжая к стрелку.
 «Два злата, дешевле продать нет расчета»,
 «Охотник, я два заплачу», торговался мальшика.
 «Ну, вам, беднякам, не положено дичью питаться,
 Скажи, чтоб большая ела щи, при этом
 Будет здорова зимою и летом,
 А дичь для меня, не взыщи»
 «Охотник, я первый, я два заплачу,
 Мне некогда, мне в аптеку пора».
 «Ну куда ты лезешь со своей двухзлатовкой,
 Так вот же тебе, получай»
 И барин ударил бичом,
 И хлынула кровь из ребенка ключом.
 Вельможа доволен развязкой –
 Стрелку бросил талер
 Умчался в своей он коляске.
 Охотник смеется: «Ты сам виноват, что попался в беду,
 Иди-ка домой со своей двухзлатовкой,
 А я выпить водки стаканчик зайду».
 Сжав деньги в ручонки, ребенок все плачет и плачет.
 Прошло три дня.
 Три гроба несут, подобных гробов
 Не видала толпа никогда.
 В первом гробу особа лежит, она подавилась,
 Как лакомкой, костью дрозда.
 Вторую колонну занимает стрелок.
 На барские деньги зашел он в шинок.
 Спиртного хватил, точно воду,
 И душу пустил на свободу,
 В последнем гробу лежала кормилица мать,
 Оставив сыночка одиноко страдать.
 Не ей суждено было дичью питаться,
 И с жизнью молодой так рано расстаться.
 Три жертвы несли по грешной земле,
 Когда-нибудь повесть напишут о бедном дрозде.

24 января. В лагере условия жизни все ухудшаются, комендант что-то взялся слишком строго наказывать. Всех без исключения приказал гонять на работы и очень рано поднимают. Лагеря «Е», «F» стали худшими лагерями в смысле обращения с пленными. На днях одного пленного привязали к столбу на два часа, виноват в этом подпрапорщик из русских. Желал, как видно, выслужиться у немцев. Негодяй. Прибыло в наш лагерь 400 пленных, взятых у Стрыя 16, 18 декабря. Выглядят они очень исхудалыми, утомленными, но здесь, к сожалению, питание плохое, и скоро не поправятся. Хлеб пекут из одной кукурузы. В театр мы заходим. Хотя он формально существует, но нас ежедневно гоняют на работы, так что не до театра. Комендант стал ужасно скверным – совсем с людьми не считается. В воскресенье не ходили на работу, небольшой концерт провели.

Еще одно хорошее произведение я рассказал (жаль, что не помню автора).

Белое покрывало³⁰
 Позорной казни обреченный
 Лежит в цепях венгерский граф.
 Своей отчизне утомленной
 Хотел помочь он. Гордый нрав
 В нем возмущался. Среди рабов
 Себя он чувствовал рабом.
 Но взят в борьбе с могучим злом
 И к петле присужден врагами!

³⁰ Белое покрывало. Автор - Мориц Гартман (1821-1872), пер. - М.Л.Михайлов (1829-1865). Язык оригинала: немецкий. Название в оригинале: Der weiße Schleier («Im Kerker liegt in eisernen Banden...»). - Из цикла «*Episch-lyrische Gedichte*», сб. «*Kelch und Schwert*». Впервые на русском опубликовано в журнале «Современник», 1859, т. LXXIV, № 3, с. 174-175 с подзаголовком «старинная баллада, из Морица Гартмана» и подписью «Мих. Михайлов»; затем - в книге: Стихотворения М.Л.Михайлова. Берлин: Georg Stilke, 1862. С. 275-278.

Едва двадцатая весна настала для него и надо
 Покинуть мир. Не смерть страшна.
 Больному сердцу в ней отрада.
 Ужасно в петле роковой
 Среди людной площади качаться,
 Вороны жадные слетятся
 И над опальной головой
 Голодный рой их станет драться.
 Граф говорил, мать лаская,
 «Я у тебя дитя одно, но мне скоро суждено
 Расстаться с жизнью молодой.
 Погибнет без следа со мной
 И имя честное мое.
 О, пожалей дитя свое!»
 Мать говорила утешая:
 «Не бойся, не дрожи родной,
 Я во дворец пойду, рыдая,
 Слезами, воплем и мольбой
 Я сердце разбужу на троне!
 Коль в черном платье буду я,
 Знай – неизбежна смерть твоя,
 Но если в покрывале белом
 Меня увидишь над толпой,
 Знай, вымолила я слезами
 Пощаду жизни молодой.
 Пусть будешь схвачен палачами,
 Не бойся, не дрожи, родной!
 И графу тихо мирно спится –
 Ему все мать под белым покрывалом снится.
 Гудит набат, бежит народ,
 Угрюмой стражей окруженный,
 Идет на площадь граф приговоренный.
 Все окна настезь, столько глаз
 Его печально провожают,
 И столько женских рук цветы
 Ему в последний раз бросают!
 Граф ничего не замечает,
 Вперед на площадь он глядит
 Там на балконе мать стоит
 Спокойна в покрывале белом...
 И заиграло сердце в нем и шагом смелым
 Взошел на помост с палачом,
 И смелый к петле поднимался,
 И в самой петле улыбался!
 Зачем же в белом мать была?
 О, так могла солгать лишь мать,
 Полна боязни, чтоб сын
 Не дрогнул перед казнью...

И еще одно – небольшое:

На Волге на Дону ли
 Осла на пароход
 Веревками тянули.
 Напрасно грузчики удвоили отвагу,
 Осел вперед ни шагу!
 Но вот один находчивый матрос
 Довольно просто разрешил вопрос:
 «Друзья, тяните вы осла за хвост!»
 Как только грузчики совет пустили в ход,
 Осел в момент вбежал на пароход...
 Отлично и упрямец за нос водят,
 Когда в их глупости союзника находят.

Работа тяжелая: возим землю на тачках, заравнивая ямы. Выдают деньги находящимся в конторе, но на них в городе нечего покупать, тем более из продовольствия.

27 января. Сегодня ровно девять месяцев плена, или вернее тюремного заключения, разница между пленными и арестантами небольшая.

Впервые я и Смоляницкий идем в качестве переводчиков в местечко Копис с партией рабочих, на каждые 20 человек требуется один толмач. Хотя знание немецкого языка у нас, увы, не велико, но как-нибудь с австрийцами столкнемся.

Работа – осушение болот. Вот как они стараются использовать дешевую рабочую силу для блага своей родины.

Работа тяжелая, и нам тоже приходится помогать, а питание плохое. Встаем в шесть утра, а возвращаемся к шести вечера, перерыв два часа.

31 января. Воскресенье. Отдыхаем. Выдали нам по 10 грошей в день, это на наши деньги пять копеек. Привезем домой много денег, заработанных в плену. Подлец комендант посадил Морица на 10 суток якобы за неправильно написанный доклад, так зачитано в приказе. Сволочи, когда-нибудь этот негодяй получит по заслугам. В лагерь прибыли 400 австрийских солдат, старики пятого запаса, а всех помоложе отправляют на фронт. Наверное, туговато у них стало, об успехах замолчали. Прибывшие, в особенности чехи, охотно с нами разговаривают. В чешском языке много русских и сходных слов, так что можно договориться.

7 февраля. Зима и здесь берет свои права. Февраль месяц, а холоднее, чем в январе. Снег идет уже третий день, невозможно работать. Приходим в лагерь мокрые, замерзшие и голодные. Даже негде, да и нет ничего, чтобы купить съестное. В обед даже и картошки нет, а только одна мамалыга.

14 февраля. Небольшое событие, но взволновало весь лагерь. В ночь на 11 февраля обокрали кантину³¹, утащили, говорят, большую часть съестного. Когда мы возвращались с работы ничего не подозревая, нас остановили у караульного помещения и начали обыскивать. Конечно, ни у кого ничего не было. Комендант заявил, что пока воры не найдутся, нам не дадут есть. До позднего вечера нас продержали. Воров, конечно, не нашли, но нам всем дали поесть.

1 марта. Вот уже третий день, как погода стоит теплая, становится сухо. Поправляем канавы, так как водой размыло. Кругом так хорошо в природе, уже зелень выступила, вблизи село, железная дорога.

2 марта. Сегодня я получил посылку из дома, также и Смоляницкий. Говорят, что возможно из нашего лагеря будут отправлять на работы. Как было б хорошо уехать из этого проклятого лагеря.

10 марта. Позавчера, наконец, я и Мориц с партией в 20 человек были отправлены на работу. Как мы были рады, сидя уже в вагоне, но неожиданно по телефону сообщили, что отправка отложена, перепутали маршрут, мы снова в лагере до выяснения.

Смоляницкий и Гиммельфарб уехали тоже с группой в 20 человек. Нам так хотелось, чтобы Смоляницкий с нами поехал!

14 марта. Вчера перешли в лагерь «Н». Он лучше значительно, чем наш: большой, чистый, новые светлые бараки, удобно расположены. На днях убежал маленький доброволец Толстой, но его быстро поймали. Молодец, что сумел перебраться через проволочные заграждения, рисковал быть застреленным часовыми, однако смелость, находчивость и удача были обеспечены. Но, к несчастью, не знал немецкого языка, да и одежда выдавала, так что побег, к сожалению, не удался. Наверное, будет наказан.

16 марта. Сегодня отправили 200 человек в лагерь «В» на работы.

Теперь мы с Морицем ожидаем, что наша очередь подойдет к отправке на работу куда-либо. Хорошо, если б на территорию Чехословакии, где можно лучше договориться с чехами, да и отношение их лучше, чем немцев. Комендант и прочий персонал здесь лучше, чем в лагере «F».

Мориц узнал в канцелярии, что наша группа остается в прежнем составе, то есть всего 20 человек, и что возможно, после уточнения маршрута нас отправят скоро. Из нашего барака уехали на работы Хельминский, Резник, Эстерзон, Гликман, Тысовский и другие.

Вчера, **21 марта**, мы, наконец, выехали из Брюкса в 11.30, а в 3 часа дня прибыли в Вегштедт³², где нас разделили на две партии по 10 человек. Меня и 9 человек направили в имение сахарозаводчика в деревню Чаковиц³³, а Морица и 9 человек в Шнейдовиц³⁴. Обе деревни находятся на расстоянии от города верст 7-8, а между собой версты 3-4. Так что будем, наверное, частенько видеться. Сегодня первый день – понедельник, работали в поле, удобряли землю. С нами работают также цивильные: немцы, чехи, поляки, русины. Сопровождает нас в поле цивильный конвоир, немец с винтовкой. Я понимаю его плохо, так как он говорит на особом диалекте. Я же еще плохо говорю по-немецки, еще нет практики. Однако у другого конвоира понимаю лучше, он выражается более литературно.

Кормят здесь немного лучше, чем в лагере, но мы ожидали, что на работе будут лучше кормить. Возможно, позднее будет лучше, ведь сегодня только второй день. Управляющий имением на меня производит не совсем хорошее впечатление.

На работу выходим в 7 утра, в 11 часов – обед, с 1 часу до 7 работаем, в общем, 12-ти часовой рабочий день. Мне кажется, что управляющий смотрит на нас с пренебрежением – известно, русские! Помещение, куда нас поместили, неважное, очень небольшое, темное, походит, скорее, на наши бани.

Ночью нас сторожит другой пост, никуда нас не выпускает и не разрешает ни с кем разговаривать. Немецкий служака, формалист и трус, конечно. В другом доме, напротив, лучшее помещение, чем наше, там находятся русины, говорящие по-украински, мы их понимаем, но с ними также нельзя разговаривать. Днем мы работаем с ними в поле вместе. Чувствуем себя здесь более свободными, чем в лагере за проволочным заграждением, но вечером мы снова точно арестанты, находящиеся в тюрьме.

Воскресенье отдыхаем, вот уже неделю работаем «на относительной свободе». Погода хорошая, тепло, светит солнце, начинает пригревать, даже начинаем загорать на воздухе.

Мои друзья жалуются, что пищи маловато. Конечно, работаем в поле физически, нам мало, аппетит прибавляется. Это не в лагере, тем более, после голода в лагере. Хлеба получаем мало, не более одного фунта в день на человека.

Получили, так сказать, жалование за неделю по три кроны в день, на наши деньги по 25 копеек. Вот здорово, за 10 часов – по 25 копеек. Вчера ходили к своим друзьям в деревню Шнейдовиц, где они и работают. В этом имении живут две сестры баронессы, не знаю, возможно, это имение им и принадлежит. Устроились наши ребята гораздо лучше, чем мы. Помещение у них хорошее, пища тоже лучше, и управляющий хороший человек. Одним словом, им повезло больше, чем нам. Ну что ж, мы не завидуем, а рады.

Сама деревня тоже выглядит лучше. Мориц себя хорошо чувствует, тем более, он ведь свободно говорит по-немецки, учился в Германии, жил на границе. Разговаривает свободно по-немецки, по-польски, по-русски.

Я говорил нашему управляющему, что наша вторая партия в Шнейдовицах получает лучшее снабжение, чем мы. Он говорит, что выдает нам столько, сколько нам следует и даже более. Потребовать мы не можем – пленные должны молчать. Жена управляющего как будто лучше его, более симпатичная, но очень полная. Однако, когда отпускает нам продукты, то также взвешивает по-аптекарьски. Хорошо, что отпускает молоко за деньги – 10 грошей за литр.

Работаем по-прежнему в поле. Весна здесь наступает гораздо раньше, чем у нас в Сибири. Деревья давно уже зазеленели.

³¹ кантина - бар, кабак

³² Вегштедт - *Wegstättl*, после 1918 года – *Štětí, Штети, Чехия*.

³³ Чаковиц - *Čakovice, Štětí, Чехия*.

³⁴ Шнейдовиц - *Snědovice, Чехия*.

3 апреля. Сегодня знаменательный день: наконец-то избавились от пребывания в этой деревне, так как переехали в город Вегштедт, проработав ровно две недели, как вроде были временно. Мы, конечно, очень рады переезду, здесь, надеюсь, будет лучше. Поместили нас в хорошую большую комнату на третьем этаже. Внизу занимают служащие и рабочие имения сахарного завода. Вид из наших окон замечательный: весь город можно обозреть, реку Эльбу, сахарный завод. Двор большой с ровными постройками. Здесь же находятся в хорошем помещении скот: лошади, коровы.

Видны горы, поля, виноградники, железная дорога. С наступлением лета все покроется зеленью и вид будет еще прекрасней. Вот и нам, пожалуй, повезло. Цивильные на нас пленных русских все еще смотрят с любопытством, а на сибиряков в особенности, и говорят смешно: «Русы приехали» или «Das sind die Russen». Я уже успел сходить в город. Небольшое, но чистенькое местечко, есть несколько небольших магазинов, аптека, ресторан. Вот только не совсем приятное ощущение идти по городу, когда сзади идет конвоир с винтовкой, а люди со всех сторон осматривают, как будто сопровождают какого-то преступника – арестанта. Это оставляет неприятный осадок. Но ничего не поделаешь – ведь пленный.

4 апреля. Понедельник. Работаем в поле, также и в Чаковицах, по удобрению поля так называемым шамом. Это отходы при обработке сахарной свеклы на сахарном заводе. Здесь часто появляется главный управляющий, но у него есть еще помощник, так называемый шафар – чех. Чехи к нам относятся хорошо, сочувствуют нам, пожалуй, лучше, чем немцы.

Имение имеет 75 коров и отпускает молоко городским жителям по карточкам; три раза в день приходят за молоком.

Вечером собирается особенно много горожан, и в большинстве своем, конечно, женщины, девушки, на нас, русских пленных смотрят с любопытством, и кажется, не прочь с нами поговорить. К сожалению, в нерабочее время нам не разрешается разговаривать, да мы, пожалуй, пока не смогли бы свободно вести разговор как по-чешски, так и особенно, по-немецки. Я еще плохо понимаю, а потому еще и стесняюсь. Наши окна выходят во двор напротив молочной, где отпускают молоко.

Работаем по-прежнему разную хозяйственную работу, как-то: набрасываем удобрение, накладываем навоз (не совсем приятная работа).

Я продолжаю в свободное время изучать немецкий с помощью словаря, а чешский просто практически.

Сегодня первый день русской и немецкой пасхи, а потому мы отдыхаем, и завтра тоже.

Из Шнейдовиц приходили Мориц и другие. Живется им относительно хорошо, работают также больше все в поле. Некоторые из них ходили в костел – понравилась музыка и хор певчих. Однако говорят, что молящиеся далеко не празднично настроены, ведь война еще продолжается.

В наше окно частенько заглядывают две молоденькие немки – девушки, наверное, не прочь познакомиться. Однако наш конвоир большой трус, и боится пустить нас даже за ограду; до девяти часов разрешается быть только во дворе, а затем в помещении. Продолжаем вывозить удобрение на поля, так называемый шам с сахарного завода – это отбросы переработки свеклы. Перевели часы на один час вперед, так что начинали в семь и кончили в семь часов. Мобилизуют здесь уже восемнадцатилетних мальчуганов, а также призывают до 56-летнего возраста. Получил посылку от 20 января – как долго путешествовала. Сегодня складываем солому, довольно было труднозато подымать на вилах, так как солома мокрая, тяжелая, но зато физическая нагрузка полезная.

Здесь, однако, нет такого порядка как в Чаковицах, так как там был один управляющий, а здесь имеется еще два помощника, а отсюда и мало порядка.

Снова получил две посылки из дома, все в целости. Угостил, конечно, своих товарищей.

27 апреля. Сегодня годовщина, как я нахожусь в плену, а сколько за один год произошло событий, переживаний и прочего. Остальные друзья тоже почти в это же время, то есть в конце апреля 1915 года попали в плен.

Вот сколько же еще нам придется пробывать в плену? Пока конца войне не видно. В городе есть еще одна партия пленных в 55 человек на колесной фабрике. Жалуются, что держат их очень строго и кормят очень плохо. На днях из их партии убежало два человека, но говорят, что их уже поймали. У нас же пища стала лучше, чем была в Чаковицах. Сегодня получил посылку. Послана 31 января, и конечно, мясо заплесневело, пришлось выбрасывать, а жаль, сколько было заботы с посылкой из дома.

Вот уже **1 мая.** Нам дали новую работу – возить землю, глину на тачках, очищаем яму на сахарном заводе. Работа грязная, тяжелая, в поле уж лучше работать.

Вчера снова возили песок, а затем выгружали из вагонов уголь на территории сахарного завода. Вот так работенка была, пыльная, грязная. Мы все походили на негров – и больно, и смешно. Наконец первое знакомство, с племянницей помощника управляющего Fr. Marie. Очень симпатичная девушка, разговариваем по-немецки, а также по-чешски. Она чешка, как и ее дядя.

Начинаю понемногу лучше объясняться как по-немецки, так и по-чешски. Остальные мои товарищи по-чешски тоже начинают объясняться, но по-немецки никто.

15 мая. Сегодня воскресенье, отдыхаем.

18 мая. До обеда резали солому, а затем сгребали сено в копны. Вот это уже хорошая, чистая и веселая работа, к тому же все время на воздухе.

Получил денежный перевод 172 кроны, как видно 50 рублей. Что-то много, а может это за 100 рублей, вообще-то крона считалась за 50 копеек.

Fr. Rosa, вторая моя знакомая, настоящая немка – девушка, хотя правда, внешне не особенно привлекательная, не большая, толстая, но любезная. Прислала мне сигарет и сигар. Это по моей просьбе и, конечно, за деньги. Они не так дорого стоят, но купить свободно невозможно, а только по знакомству. Обещала в дальнейшем по возможности снабжать меня сигаретами за твердую стоимость. «Чем же я вам отплачу?» Она говорит, что для меня это доставляет удовлетворение, что я могу вам помочь. Жалеет, что нам не дают свободы, можно было бы время провести веселее. Другая, Эмма меньше со мной разговаривает, как видно, стесняется. Она интереснее Розы, так внешне. Спрашивает, скуучаю ли я по своей жене? Роза говорит, она знает, что я женат. Ну, это конечно шутки.

Прибыли сюда несколько семейств из Галиции, евреи, русины как будто эвакуированные ввиду наступления русских войск. Какие жалкие, бедные и несчастные, вынужденные покинуть свой дом и прочее имущество. Да, здесь им придется работать и бедствовать. Как жаль этих женщин, детей и стариков. Им еще тяжелее, чем нам.

Получил еще три посылки. Но это для меня ненадолго, так как один я не могу все есть, а угощаю своих товарищей. Убираем все время сено. Наш помещик и фабрикант имеет много земли, вокруг всего местечка все ему принадлежит. У крестьян же очень мало земли 1-2 гектара. Здесь каждый кусочек земли вспахивают, так как земли мало, не то что у нас в Сибири. Сегодня привезли еще 9 штук дойных коров голландской породы, говорят, что стоят 21 000 крон. И двух лошадей очень худых. Лошади стоят 3600 крон.

28 мая. Неожиданно получил письмо от Михаила Ильича Лейфера из Германии, где он находится в плену. Но особенного ничего он не пишет. Я ему ответил. Сегодня наш конвоир (пост) Кох передал мне, что видел Розу. Она идет в Чаковицу,

и он тоже идет. Если я хочу, то он берет меня с собой, она его просила мне передать. Он говорит, что пойдет позади. Я отказался. Идти под присмотром конвоя не так уж интересно, тем более, что с девушкой.

10 июля. Сегодня убрали рожь. Вязали снопы и ставили в суслоны. Рожь очень хорошая.

Приходили две дочери директора фабрики, фотографировали нас, а потом начали «помогать» нам работать. Придя домой, наверное, еще похвастанут и скажут, что «это не так уж трудно». Вечером заставили носить сахар на верхний этаж. Это не так легко. Мешок по 100 кг, то есть по 6 пудов. Я, конечно, отказался и пришлось поспорить с Брусиком (помощник управляющего). Мы настояли на том, что будем носить только рассыпав пополам, то есть по 50 кг.

17 июля. Молотили хлеб и носили на крышу, то есть на потолок, довольно высоко, я здорово устал, ноги болят, это конечно без привычки, такая физическая нагрузка.

19 июля. Снова получил посылку из дома и из Голландии³⁵, делю все со своими товарищами, они редко получают из дома. Из Голландии в посылке были галеты, масло, сгущенное молоко и белый хлеб, но хлеб, к сожалению, зацвел, пришлось выбросить. По прилагаемому списку колбасы не оказалось, наверное, в пути сделали «проверку». Продолжаем молотить, и даже в воскресенье весь день. Это первое воскресенье, когда мы работаем. Теперь осенью, наверное, придется и в праздники работать, так как недостает рабочей силы, а в особенности пленных, которых можно эксплуатировать – дешевая рабочая сила.

Наш помощник управляющего Брусик, хотя и чех, но относится к нам, да пожалуй, и ко всем очень плохо, как видно, старается выслужиться перед управляющим и фабрикантом. Однако порядка мало, часто посылают двух-трех человек на работу, а требуется человек пять, вот и приходится натягивать. Вот в Чаковицах, хотя управляющий довольно высокомерный немец, но зато уж порядок в имении. Это надо отдать ему справедливость в немецкой аккуратности.

23 июля. Получили две посылки из Голландии – сухари, масло, сахар, колбаса, все, на этот раз, полностью. Ну, конечно, я делюсь со своими товарищами, не буду же я один есть. Сегодня складываем ячмень, часто работаем лишние один-два часа, а отдыхать не приходится, а потому устаем порядком.

25 июля. Сегодня ездил в Раудниц³⁶ к зубному врачу пломбировать зуб. Врач мне понравился, такой внимательный, любезный; у него четыре ассистента – два молодых человека и две девушки. По-немецки говорит только врач. Город довольно чистый, как и все здесь города. На улицах города сегодня много публики, так как воскресный день, разговоры слышны только по-чешски, это город, где живут только одни чехи. Уже восьмую посылку получил из Голландии.

31 июля. Еще раз ездили в Раудниц пломбировать зуб. Уплатил 22 кроны. С удовольствием проехал по железной дороге, в поезде чехи с любопытством расспрашивали как нам живется, но больше интересуются какое впечатление на нас русских производит их страна, люди. «Jak to se líbí tady?»³⁷. Я ответил: «O, moc líbí»³⁸. Здесь в Чехии природа хорошая, тепло, много зелени, фруктов, а также и люди более культурные, чем в Сибири.

5 августа. Интересный знаменательный день сегодня: получил одновременно 14 открыток, в том числе от Михаила Ильича Лейфера из Германии. Через два дня снова 12 открыток, как вроде они залежались или же намеренно копились.

9 августа. Погода немного изменилась, идут дожди, и работать конечно, плохо. Газеты сообщают, что в Галицию введены турецкие войска для противодействия русским войскам.

17 августа. Румыния объявила войну Австрии, а Германия – Италии, Болгария и Германия – Румынии. Пойдет теперь новая потасовка. Теперь то уж кажется, на скорое окончание войны нельзя надеяться. Она больше разгорается и затягивается.

21 августа. Воскресенье. Отдыхаем. Наконец-то выдался хороший теплый день без дождя, но мучительно скучно, пойти куда-нибудь не разрешается. Какой замечательный вид из нашей комнаты с верхнего этажа: в поле, на станцию, на Эльбу, виноградники – все это так манит пойти погулять, поговорить с кем-нибудь. Девушки, проходя мимо нашего дома, зовут пойти с ними: «komen Sie mit» или «roite s nami». Но ничего мы поделать не можем – пленные. Лишают нас человеческих прав – свободы, какая-то дикость в 20-м веке.

26 августа. Сегодня чешско-немецкий большой праздник, а потому нерабочий день, но пленных все же заставили работать, мы также отказались, так как у нас заработанный выходной день. Наш пост-конвоир доложил управляющему, который послал его к вахмистру. Через некоторое время является жандармерия с винтовками и выгнала нас, чтоб идти на работу. «Вы будете работать», кричал один жандарм по-чешски, – «а дома будете отдыхать». Ничего не оставалось, как подчиниться силе.

1 сентября. В газетах сообщают, что взято в плен 20 тысяч румын, много оружия. Однако говорят о мобилизации поляков, находящихся в плену Австрии и Германии.

Переехали мы в другое помещение на территории сахарного завода в двухэтажный дом на второй этаж, но нам в имении было лучше, веселее. Мое окно выходит в сад и видна река Эльба. Не очень нам хотелось сюда переезжать, так как завод обнесен каменной стеной и есть проходная будка. Здесь будет еще меньше свободы, да и помещение неважное. Но что же мы поделаем, нас не спрашивают и с нами не считаются. Да, в имении дом, в котором мы находились, назывался «Новый дом». Он как видно недавно и построен, до войны, а на заводе уже старый и деревянный. Ну, нам не вечно в нём находиться, как-нибудь переживем.

В нашу комнату поместили еще 14 итальянцев, прибывших из лагеря для работы на сахарный завод. Все молодежь, жгучие брнететы среднего роста. К сожалению, никто из них не знает ни немецкого, ни чешского языка. Прибыло еще 20 сербов, среди них один черногорец, высокий, интересный, да и сербы тоже интересные люди. Вот с ними мы уже можем объясняться на чешском языке, да у них тоже славянское наречие, есть много сходного с русским. Сербы много рассказывают о войне и геройстве сербских войск. Ужасы пришлось пережить также и всему сербскому народу. Они особенно озлоблены на немцев, которые начали эту ужасную войну.

16 сентября. Сербы не унывают. У одного есть скрипка, на которой он безжалостно скрипит, а остальные танцуют свой национальный танец. Сербы – народ, как видно, малокультурный, да им, наверное, развиваться не давали, а больше эксплуатировали. Что-то сегодня плохо себя чувствую: голова болит, тошнит, не знаю, что за причина? Ну это, надеюсь, временное – пройдет.

18 сентября. Сегодня получил письмо от Бориса Смоляницкого, он, к сожалению, также работает, но в другом месте, а как нам хотелось вместе – хороший он парень.

21 сентября. Начинают уже свозить на сахарный завод свеклу – бураки, скоро завод будет пущен на переработку на сахар-песок. Это называется сахарная компания. Начинают уже прибывать пленные на завод. Вчера прибыла партия русских 100 человек из лагеря Wisselbur, среди них есть три вольноопределяющихся и три подпрапорщика. Некоторые были сняты с

³⁵ возможно, от Красного Креста

³⁶ Раудниц - ныне Roudnice nad Labem, Чехия

³⁷ Jak to se líbí tady? - Как вам нравится здесь?

³⁸ O, moc líbí. - Очень нравится.

цивильных работ, рассказывают, что там, у хозяев им было хорошо: пища хорошая, а главное полная свобода, без всяких конвойных. Свеклу ежедневно подвозят по несколько вагонов, а также и на волах. Платят, говорят, примерно в русских ценах 20 копеек за пуд свеклы. Это, конечно, очень дешево. Трудов крестьянину стоит много, чтобы вырастить и привезти непосредственно на сахарный завод.

30 сентября. Кормят прибывших рабочих очень плохо, а работа тяжелая и продолжительностью по 12 часов. Выдали мясо несвежее, воняет и с червями, да еще уговаривает повар: «Ничего, что черви, немного перца, соли и есть можно будет». Мы настояли, чтобы мясо обратно унесли, пусть не думает, что русские – это свиньи, все съедят. Нет, пусть знают, что мы люди и привыкли дома хорошо питаться. Сегодня остался дома. Ничего не ел, болит в горле, наверное, простыл.

Из прибывших подпрапорщиков, так один в роли коменданта. Один волонтер в конторе, другой в лаборатории. Один все же работает как все остальные.

Началась так называемая «кампания» на сахарном заводе.

Пищу все же нам улучшили, приходил сам управляющий на кухню, пробовал обед, выслушал требования, и на завтра же улучшили, увеличили выдачу продуктов – на требования и продукты нашлись.

В течение трех недель я не мог вести записи в своей дневник, так как мы все время работали.

Несмотря на обещание управляющего, что когда мы закончим с вывозкой с нашего поля всей свеклы, тогда мы будем отдыхать. Но вот уже четвертое воскресенье нас снова заставили идти работать, несмотря на то, что срочной работы не было. Брусик пришел к нам в помещение и говорит, что по распоряжению управляющего, а также самого хозяина-фабриканта мы должны работать, пока фабрика работать не перестанет. Но ведь фабрику, мы говорили, нельзя останавливать, так как там машины и, кроме того, кампания длится всего три месяца. Несмотря на наши доводы и обещания отдыхать, Брусик настаивал идти. Все мы как один отказались пойти. Вскоре явились уже три жандарма, двое с оружием, выстроили нас на улице, и главный вахмистр предложил нам идти работать, в противном случае, он нас под конвоем отправит в лагерь. Ну, что ж мы говорим, ваша власть – отправляйте в лагерь!

Тогда последовало распоряжение – срочно собирайтесь с вещами, мы не заставили себя ждать, собрались и нас повели по городу под усиленной охраной. Однако наш товарищ Ремизов вышел из строя, говоря, что ему надо дать сено лошадам, на которых он ездил, но он ушел и не пришел. Хитрый мужик! И так, девять человек, пошли мы. Вначале побывали несколько часов в помещении под арестом, а затем на вокзал, часа через два мы прибыли поездом в г. Лейтмериц³⁹, где нас сдали и поместили в предварительное заключение в одно помещение на втором этаже. Вот где мы находимся, и я записываю события, так неожиданно изменившиеся.

Да, мы узнали, что в Шнейдовицах все время вторая партия русских не работала по воскресеньям. Это тоже нас заставило отказаться пойти на работу. Пусть управляющий и сам хозяин – фабрикант знают, что русские могут за себя заступиться.

Поместили нас в маленькую комнатку с двумя миниатюрными окнами, из которых видно только небо, голые нары, голые стены и больше ничего. Холодно, темно и твердые нары. Ну, что же, на лучшее мы и не надеялись. Прошло два дня, никуда нас не вызывают и не отправляют. Кормят, конечно, очень плохо. Вот уже пятый день находимся под арестом, время тянется мучительно долго, от неизвестности, безделья и лишены всякой свободы движения.

2 ноября. Вчера, наконец, нас повели в другой город, то есть через мост – Терезингштадт⁴⁰. Привели нас в гарнизон, вызвали только Кузьмина, Урлапова и Курова, а нас остальных шесть человек отвели обратно в Лейтмериц, в то же самое помещение.

5 ноября. Сегодня уменьшили выдачу хлеба и без того маленькую порцию. Сообщили, что будут хлеб выдавать только через день. Получили чашку черного холодного кофе. Да, вот и тюремное заключение – голод, холод, и за какое преступление? Сколько приходится переживать в плену. Все болит, так как спим на голых нарах – ноги, спина и весь как-то разбит.

6 ноября. Сегодня фельдфебель нам объявил, что завтра нас отвезут в лагерь Brüh, из которого нас отправляли на сахарный завод. Ну, мы хотя этой перемене обрадованы, хотя знаем, что в лагере тоже будет не сладко, но все же лучше, чем в тюремном заключении.

8 ноября. Вчера прибыли в лагерь, ехали весь день с остановками и только к 6 часам вечера прибыли в лагерь.

Утром при отъезде нам хлеба не выдали, и мы ехали весь день голодными и даже по дороге не дали горячей пищи.

Профос вначале нас допрашивал, а затем начал кричать, угрожать тюрьмой и даже расстрелом, и черт его поймет, чем еще. Однако после моих объяснений, что мы ничего преступного не совершили, виноват во всем управляющий и так далее, профос успокоился и перешел уже на наставительный тон. Сейчас, говорит, война, а потому и закон строгий и что всем стало плохо.

Поместили нас временно в карантин – барак, в котором ни матрацев, ни соломы нет и спать приходится снова на голых досках. К тому же в бараке очень холодно. Настроение неважное. Ремизов, пожалуй, в лучших условиях, тем более один там остался. Кормят, конечно, очень плохо, а купить в лагерьной лавке нечего, кроме плохих яблок. Немецкий порядок, культура, черт бы их побрал, даже за деньги нечего купить!

В лагере большинство приехали с работы по разным причинам, так же как мы, «грешные мученики!»

Да, вот и снова лагерь военнопленных, проволочное ограждение, сторожа, а условия стали еще хуже, чем раньше были.

10 ноября. Ожидается прибытие какой-то комиссии, идет уборка, чистка в лагере, в бараках, поэтому как вроде нас и подняли чуть свет, даже спать на голых нарах не дают. Привезли подарки от Красного Креста, десятилетние галеты, их раскусить невозможно, точно каменные. Ко всем несчастьям еще одно – ел галеты и сломал передний зуб. Теперь к зубному врачу и думать нечего.

12 ноября. Бесперывно прибывают с работ русские, но в большинстве поляки и евреи из Польши.

Позавчера, оказывается, умер Франц Иосиф – царство ему немецкое! Что-то об этом событии не особенно распространяются. В бараках у нас холодно, тем более от плохого питания кровь не греет.

14 ноября. Вчера приехал Мориц Касриел из Шнейдовиц, был он и в Вегштеттле, узнал, что нас отправили в лагерь. Я очень рад его приезду, хоть один старый товарищ. Рассказывает, что наш управляющий очень жалеет нас. Он, говорит, не ожидал, что вахмистр нас арестует и отправит. Поздно высказывать сожаление, пришел бы и уговорил жандармов не делать этого. Мориц привез мне письма, были посылки, отправили их в лагерь – буду ждать, очень пригодятся, хотя бы на несколько дней поесть и угостить товарищей. Мориц мне говорит – зачем ты ввязался в эту историю, остался же, а одного работать все равно тебя не послали бы. Я ему говорю – нет, предателем и подстрекателем я не могу быть! Ремизов поступил как изменник по отношению к своим товарищам. Мы его осуждаем. Плохо нам, переживали, но зато все вместе.

³⁹ Лейтмериц - ныне *Litoměřice* Чехия.

⁴⁰ Терезингштадт - ныне *Terezín* Чехия.

15 ноября. Сегодня исполнилось ровно два года, как я уехал из дома. Сколько за это время пришлось пережить! Сколько раз был, как говорится, на волосок от смерти на фронте. Когда же кончатся эти мучения для всех – угадать невозможно.

Снова возили нас в Терезин на допрос, предъявляют обвинение как забастовщикам, которые отказались работать на заводе.

Я заявил, что мы, во-первых, работали не на заводе, а в имении на полевых работах, а во-вторых, мы вообще никогда от работы не отказывались, за последнее время три недели подряд работали, хотя по закону для военнопленных установлен отдых в праздничные дни. Кроме того, каждое воскресенье управляющий обещал, что это последнее, а в следующем будем отдыхать. Этого он не сдержал и без всякой срочной работы снова приказывал идти работать. Все остальные также показывали. Наш пост говорил, что он нас ни в чем не обвинял, а только Кузьмина, Уралова и Курикова как бунтовщиков и зачинщиков. Теперь будем ожидать решения суда. Мы снова прибыли в лагерь.

Мориц уехал с партией поляков в Польшу. Пища в лагере с каждым днем все хуже и хуже... Нас перевели в 19 барак, здесь, как видно, будем находиться до суда, а когда он будет, неизвестно. Сегодня меня вызвали в канцелярию лагеря, думал, что снова допрос. Оказывается, обо мне запрашивал Омск через Красный Крест. Справка датирована от 2 декабря 1916 года. Написал, что здоров. Что еще можно сообщить? Холодно, голодно? В лагерь «D» прибыл Краминский с работы, поссорившийся с конвоиром, и тоже привлекается к судебной ответственности.

7 декабря. Никаких перемен не произошло, голодаем ужасно. Так, пожалуй, можно ноги протянуть! Не предвидели мы такого положения, уж лучше пойти работать.

Сегодня на обед вареная селедка, одни кости и немного плавает фасоли, есть невозможно. Вновь нас потребовали в Терезинштадт. Предстали мы перед военным судом. За столом сидят 12 офицеров высшего ранга. Допрашивали каждого по отдельности через переводчика, который в совершенстве владеет русским языком. Когда очередь дошла до меня, то наш конвойный, присутствующий здесь, сказал, что я хорошо говорю по-немецки. А поэтому меня допрашивали дольше всех. Когда я не мог так выразить по-немецки, то обращался к переводчику. Все мы указывали на одну причину: что мы от работы никогда не отказывались и за последние три недели ни разу нам не представляли ни одного дня отдыха. Управляющий все время нам обещал, но нарушал свое обещание. Мы закончили с уборкой свеклы, и не было никакой срочной работы. Согласно австрийским законам, военнопленным предоставляется в воскресные и праздничные дни отдыхать.

Может быть, наши объяснения до некоторой степени приняли во внимание, но оправдать совсем не захотели, и приговорили нас к трем месяцам тюремного строгого заключения. Мы, конечно, никак не предполагали, что нас приговорят к заключению. За что? Что мы совершили? Какое преступление? Нам в утешение наш конвойный сказал, что мы дешево отделались тремя месяцами. Других судили за это же на пять – шесть месяцев. Ну, нам от этого не легче.

28 декабря. Мы снова приехали в Вегштедт; когда я сказал управляющему, что нас присудили к трем месяцам заключения, то он не захотел поверить этому. Вид у него был очень удрученный, он раскаивался, что поступил с нами так строго, выполнив приказ хозяина, что ему нас очень жаль! Не знаю, насколько это искренне, но это запоздалое раскаяние. Я ему это откровенно высказал, и скорее, ему жалко нас как рабочую силу.

Чехи, в особенности, относятся к нам с сочувствием. Говорят, что только немцы так бесчеловечно могут поступить с военнопленными.

Начали снова работать по хозяйственным делам. Ремизов тоже сочувствует, не думал, говорит, что так поступят.

8 января 1917 г. Вот и Новый Год наступил, для нас начало неважное. Получили телеграмму из Терезина, требуют нас. Говорят, что снова на допрос. Это, конечно, не может быть, какой допрос, когда приговор был, теперь уже в заключении, для отбытия наказания за «ужасное преступление». Варварские законы в так называемой культурной стране Германии.

Тюремное заключение

Да, конечно, мы не ошиблись: нас прямо с поезда доставили в тюрьму. Но здесь, в г. Лейтмориц, говорят, еще не настоящая тюрьма, а так сказать предварительное заключение, а настоящая тюрьма находится в Терезине. Здесь находятся уже человек 80 русских, заключенных на разные сроки от трех до двенадцати месяцев.

Помещение – бывший пороховой погреб внизу. Холодное, сырое и чуть освещается одной лампочкой и небольшой чугунной печкой, около которой сидят и греются, а больше лежат на нарах, закутавшись в одеяла. Кроме того, ужасно спертый запах, так как у дверей находится параша.

Условия здесь ужасные: кормят, конечно, очень плохо, вид у заключенных изможденный, исхудалый, и к тому же какой-то озверелый, притупленный. Вновь прибывших встречает, главным образом, образовавшаяся так называемая банда во главе с главарем и стараются ночью отобрать все, что удастся вытащить из-под подушки. К счастью, нас предупредили, чтобы мы ночью были начеку и не дали себя обобрать. Эта банда состоит из семи-восьми человек и терроризирует всех остальных. Если кто и видит, как они тащат, то боятся сказать. Здесь не стесняются вырвать из рук кусочек хлеба. Ночью у одного из наших пытались вытащить из-под подушки вещевой мешок, но воришка был пойман. Поднялся шум, прибежали его товарищи во главе с руководителем этой банды, начали его освобождать, но тут все наши вскочили, а также осмелели и другие, и началась потасовка. Били воров все, а в особенности главаря так избили, что он начал кричать: «Отпустите, братцы, больше никогда не будем!». И остальные его сообщники также просили о пощаде.

Назавтра в помещении уже царил другая «атмосфера», вору разбрелись и приумолкли. Еще раз их предупредили, что если у кого что-нибудь пропадет, то всех их будут избивать до смерти.

Вот каковы условия создаются в тюрьме – свои своих бьют, а причина, конечно же, голод и холод. Но все это создала война, вот всех зачинщиков этой бойни и следовало бы посадить в тюрьмы. Может быть когда-нибудь, как говорится, отольются волку слезы. Просидели мы в этой дыре ровно месяц и **10 февраля** нас перевели уже в настоящую тюрьму – в Терезинштадтскую крепость. Здесь помещение более удовлетворительное: большая, теплая и светлая комната. Нары, на которых спят заключенные находятся высоко от пола, там же они были на полу. В нашей камере не так скученно – человек сорок. Среди заключенных пять итальянцев. Наши союзники, только один немного говорит по-немецки. Начали мы друг друга учить: я его по-немецки, он меня по-итальянски. Ежедневно нас выводят на прогулку по двору. Здесь конвойные значительно лучше, чем там были, среди них большинство чехи, они понимают, что мы не преступники, а несчастные военнопленные.

Большой радостью и надеждой было у нас это – революция в России. Когда я стал переводить сообщения из газеты о революции, о том, что сбросили Николая II, власть взята временным правительством, некоторые этому не верили. Один бывший фельдфебель говорит: «Неправда, это брехня, царя не могут сбросить». Мы все надеялись, что скоро война закончится, и мы поедем домой. Газет, к сожалению, больше не приносят. Просил конвойных, говорят, что заключенным не разрешают давать газеты, узнали, что мы вам дали одну газету и получили выговор с предупреждением.

Какие же события сейчас происходят у нас на родине? Наверное, происходят митинги, речи, свобода слова, печати и равноправие для всех. Как хорошо бы сейчас находиться в России. Здесь время идет однообразно, один день сменяет другой без изменения.

На днях мы были свидетелями условий в подземных казематах. Прибыл ксендз и нас повели в подземелье на так называемое «богослужение». Какой ужас нас охватил, когда мы увидели через железные решетчатые двери находящихся там заключенных. Они лишены настоящего света, воздуха, выглядят одни скелеты, обреченные на постепенное умирание, а тем более питание у них очень плохое. За что они запряганы в эти ужасные подземные казематы? Что такое они могли совершить? На это нам, конечно, никто не ответит. Надо полагать, что они осуждены на длинные сроки, а на более короткие как мы, таких держат в верхних помещениях.

Освобождение из тюрьмы

Наконец мы дождалась дня освобождения – **10 апреля**. И снова, говорят конвойные, нас повезут в лагерь. Черт знает что, нас все отправляют в лагерь, лучше бы сразу куда-либо на работы. И так, мы снова «у разбитого корыта». Здесь еще хуже обстоит с пищей, люди ходят опухшие от голода. Правда, мы выглядим тоже «хорошо» – загар у нас сошел и крови не видно, беленькие стали, как бумага. О скором возвращении домой и о мире здесь ничего не слышно.

20 апреля 1917 г. Суждено нам снова вернуться в Вегштедт, мы предполагали, что в другое место. Встретили нас сочувственно, с сожалением, что нам так много пришлось пережить. Как управляющий, так и его помощник, немного заискивали. Сразу распорядились, чтоб нас накормили и весь день отдыхали. Пищу улучшили для всех.

Работаем вот уже с неделю, возим на поля удобрения. Поместили нас на свои старые места, я у окна, которое выходит в сад, и вид в поле, на Эльбу.

Управляющий спрашивает меня, не соглашусь ли я пойти работать к г-ну Ферле, то есть к садоводу? Но у него же есть серб? Сэрба я уже убрал, так как Ферле, говорит, им недоволен, он не понимает ни по-немецки, ни по-чешски, и вообще ленивый человек.

Пришли мы в сад, управляющий говорит: «Г-н Ферле, вот у вас будет работать, вам в помощь, русский». Он говорит: «А какая разница, серб или русский».

«Ну ничего, он хорошо понимает по-чешски».

«А вы знаете, г-н управляющий, что я плохо говорю по-чешски», – говорит Ферле.

Я, конечно, все слушаю.

Управляющий пошел, посмотрел на меня, улыбнулся и подмигнул.

В течение дня я все старался объясняться с Ферле по-чешски, а если он говорил по-немецки, то я, как будто, понимал. Так прошел еще один день, я начал называть кое-что по-немецки, например, лопату, грабли, воду. Он был очень доволен. Однако на третий день, утром, я пришел и говорю ему: «Guten morgen, Herr Fehrl», «O, guten morgen, Herr Fischelew». А когда я сказал по-немецки: «Что мне начать делать сейчас?», он посмотрел на меня сверх очков и говорит: «Да вы же говорите по-немецки. Ах, каналы! Вы меня с управляющим решили разыграть». Я смеялся, и он улыбается. С этого дня мы уже с ним объясняемся только по-немецки. Работать в саду было, конечно, лучше, чем на хозяйственном дворе. Ферле был немного чудаковатый, но добряк. Высокий, худой, всегда с трубкой. Он был до безумия увлечен в своей работой по выращиванию овощей, цветов и ягод, беспрерывно он делал эксперименты с удобрениями, на всё окружающее не обращал внимания. Когда я его спрашивал: «Какие же события сейчас в газетах о России?», так он говорит, что ни о каких событиях сейчас газеты не сообщают, да я, говорит, вообще не верю газетным уткам. В продаже, к сожалению, газет нет.

Все мы продолжаем работать, товарищи больше в поле, я в саду. Весна здесь рано появляется, все уже зеленеет и цветет. Хорошо, что мы не в лагере и, тем более, не в заключении.

Вот и май месяц. Как хорошо в саду и огороде, последний находится за оградой завода у самого берега Эльбы. Вчера с Ферле был на вилле за городом, в которой живет семья сахарозаводчика Киришнера. Вилла неплохая, со всеми удобствами – фруктовый сад, клумбы цветов. Семья, две дочки, Сузи лет 8-и и Мицца лет 10, и мальчуган 2-х лет. Со мной они не разговаривают, с пленным запрещено, но на приветствие все-таки достаивают ответа. Однако обслуживающий персонал, экономка фр. Мари, бонна фр. Эмма и так называемый денщик не боятся со мной разговаривать. Экономка немка, очень симпатичная старая дева, а также остальные. Семья фабриканта живет неплохо, все к их услугам. По городу хожу свободно без сопровождающего, нашего поста Куна, захожу иногда в магазины, но купить особенно ничего нет.

Познакомился с фр. Нельш и Розой Аккель. Обе обещают мне сигарет и табаку. Первая заведует лавкой, так называемой «табак-трафик», а вторая, не знаю каким путем, получает табачные изделия.

В течение мая месяца значительного ничего не произошло, о мелочах не стоит и писать, да и как-то не хочется.

И за весь месяц июнь то же самое, и нет желания заниматься писаниной. Время течет однообразно. Работаю в саду и огороде. Ферле выращивает удивительные овощи: огурцы громадных размеров, сантиметров 70, а тыквы, что-то необыкновенное, как керосиновая бочка, два человека еле везут на тачке одну тыкву. Четыре штуки тыкв установили на вилле на крыльце – прохожие останавливаются, с удивлением смотрят на гигантские тыквы.

Ферле также большой специалист по выращиванию цветов. Он делает какие-то, ему одному известные, соединения удобрений и этим поливает в известной дозе. Мне он ничего не доверяет.

Вот в августе, пожалуй, можно отметить значительное событие в однообразной жизни.

15 августа. Я побывал в Праге. Меня сопровождал наш пост, но без винтовки, иначе я бы не поехал. Ездил я к зубному врачу пломбировать зуб, который начал меня беспокоить. Да, здесь зубообразование поставлено образцово. У врача шикарная гостиная. Также в кабинете блеск, чистота и гигиена, два ассистента. Пациентам быстро проводят лечение. Затем мы пошли обозревать Прагу. Мой «спутник» также впервые в Праге. Прага необычайно красива, в особенности летом, да, наверное, в любое время года. Город расположен на холмах и долинах. С любого места возвышенности виден весь город. Река Влтава протекает посередине города. Много мостов, соединяющих город. Карлов мост украшен скульптурами и резбой – очень красивое сооружение!

Издали видны королевские дворцы, находящиеся на так называемой Градчанской площади. Вот там, наверно, есть что посмотреть! Вообще, в Праге много есть достопримечательностей, но для того, чтобы посмотреть, надо располагать временем и быть не пленным, а свободным человеком. Много красивых зданий, магазинов, театров, музеев и пр. и пр. Чехи называют Прагу «Злата Прага» и «всем городам город». На улицах города много публики нарядной, так как было воскресенье и день был чудесный. Смесь речей чешской и немецкой, но, пожалуй, чешская преобладает.

Всюду чистота, порядок, тротуары каменные, дорога асфальтированная, никогда нет грязи, пыли, много зеленых насаждений, цветов.

А как же выглядят наши сибирские города? Очень коротко выражаясь – как день и ночь. А наши дороги, какая непролазная грязь! Только можно надеяться, что при помощи революционной власти будет все иначе? Так жить дальше нельзя. Пленные сами теперь увидели, что за границей люди живут лучше, культурней и нам надо жить не хуже, а почему бы и не лучше?

1 ноября. Вот и сентябрь, и октябрь прошли, ничего особенного не было за это время – работа изо дня в день, все то же самое. Как-то не очень писать хочется. Однако о поездке все же напишу. За это время съездил с одним товарищем в города Мельник⁴¹ и Рауднице. Это поблизости от нашего города, поездом минут сорок и без конвоира. Город Мельник также недалеко от Праги, при слиянии двух рек Влтавы и Лабы (Эльбы). Здесь центр чешского виноградарства. От Мельника в 5-6 верстах расположен Либехов⁴² с очень красивым замком. Эти города пользуются славой как ресторанами, так и винными погребами. Что мы убедились на опыте, конечно, очень немного.

Рауднице немного дальше. Все города имеют прекрасный вид, много зелени, чистота улиц всюду видна, и чешская культура, и аккуратность. Что замечательно, везде рестораны или так называемые «гастанцы», где пиво самое лучшее. Чехи пьют его очень много, но пьяных нигде не видно. В этом они от русских «отстают». С башни сахарного завода видны эти два города.

5 ноября. Уже около года как из дома ничего нет, да никто из товарищей также ничего не получает.

15 ноября. Снова большие события прошли в России: власть взяли в свои руки так называемая «партия большевиков»! 7 ноября в Москве⁴³. Теперь у нас большие надежды на скорое возвращение домой. Ребята все повеселели. Но что это за партия большевиков? Мы ничего не знаем. Но, во всяком случае, это не самодержавная власть и не генеральская – скорее народная, для которой нужен скорее мир, чем не нужная никому война. Как хотелось бы быть сейчас в России!

Управляющий меня спрашивает: «Вы большевик?». Я говорю, – «пока я военнопленный, а вот когда мы вернемся в Россию, так, наверное, все бывшие военнопленные будут большевиками. Мы здесь узнали на своих плечах, что такое эксплуатация и зависимость от ваших фабрикантов».

Хотя бы скорее восстановилось почтовое сообщение, чтобы можно было послать письмо, и получить из дома весточку. Немцы говорят – у вас в России гражданская война, а она может продлиться долго. Может быть, наоборот, новая власть скорее заключит мир, а тогда и гражданской войны не будет. Миллионы пленных возвратятся на родину и захотят мирно жить и трудиться, и не допустят гражданскую войну. Также с фронта солдаты с оружием в руках покончат с царскими генералами и офицерами.

Мой Ферле говорит, – «Ну, вы теперь скоро домой поедете, войне конец. Германия проиграла войну». Вот молодец. Спасибо, говорю, что Вы так рассуждаете. Чехи в особенности хотят мира, им хочется самостоятельности.

1 января 1918 года. Вот уже третий год, как я из дома. Недавно в Либехове познакомился с семьей Бауэр. Муж, жена, две дочери. Старшая Эльза, лет 20-21, очень интересная. Красивая, жгучая брюнетка, с черными глазами и красивыми мелкими зубками – очаровательная девушка. Младшая Анна – еще девочка лет 10-12. Обе походят на мать – в молодости, наверное, была красавица, хотя она и сейчас еще выглядит молодой интересной женщиной. Сам Эмиль Бауэр, небольшого роста, очень полный, но миловидный мужчина. Семья очень гостеприимная. Эльза играет на рояле. Небольшой двухэтажный домик, маленькая мелочная лавочка. Удивляюсь, как можно жить от продажи мелких товаров. Как видно, здесь это возможно. А вот подруга Эльзы – Ольга совершенно противоположна: некрасивая, рыжелая и вся в веснушках.

Как видно, здесь у неё не нашлось лучшей подруги. Да и как-то в ней не видно развитости, стесняется, чувствует, что некрасива.

До Либехова верст 7-8 на велосипеде, доехал быстро – велосипед одолжил.

На днях мои знакомые девушки, Роза Аккель с подругой, снабдили меня сигаретами и табаком. Мои товарищи довольны, что есть, что покурить. У нас из 10 только 5 курят. Нашему посту-охраннику дал табак. Когда у него нет курева, так он становится злым, придирчивым, а стоит ему закурить свою неизменную трубку, так он сразу же становится другим – начинает шутить и т.д. Время от времени я его благодаря табаку настраиваю, поэтому он ко мне хорошо относится.

Март. Недавно пошел в магазин кожтоваров купить себе подметки к сапогам. Прошу у девушки продавщицы: «Дайте мне ein paar Seele», она улыбается и говорит, что у них этого в продаже нет. А я ей: «Так вон на полке они лежат». «Так это же Sohle», – она говорит. Я, конечно, покраснел, извинился. Дело в том, что Seele – душа, а Sohle – подметка. Каково я здорово влип! По-немецки! Чтобы меня утешить, она говорит: «Вы хорошо говорите по-немецки, это я уже знаю от Розы, а эти слова сходны, вы и забыли». Ну, конечно, мы посмеялись. С чешским языком у нас вначале тоже были казусы, но позднее мы уже хорошо объяснялись.

Май. Вот уже четвертая весна плена наступает. Весной, летом, да и вообще, в Сибири климат более суровый, здесь климат теплый, мягкий, но ведь, зато Сибирь – это наша родина! Я так тоскую даже о нашей холодной, снежной зиме.

Июль – август. Лето в разгаре. Уже поспевают яблоки, груши, персики. Нынче особенный урожай – деревья желтые, желтые от персиков, а какие они вкусные. Хожу частенько в виллу, тоже снимаю с деревьев яблоки и персики, но там немного.

Семья Киршнера отдыхает на юге в Италии, черт возьми, неплохо живут. Бонна фр. Эмма мне нарисовала открытку, пишет, что там великолепно отдыхают, купаются, загорают – в Ницце⁴⁴. Наверное, неплохо.

2 ноября. События исторической важности для народов Чехословакии – **28 октября Чехословакия была провозглашена свободной независимой республикой. Президентом был избран Бенеш.**

Наконец-то Чехословакия освободилась от многовековой зависимости от Австрии. Австро-Венгрия – это была лоскутная монархия, после поражения Германии останется, наверное, один лоскуток, а все остальные государства также освободятся от ига этой монархии.

Мы все рады за чехов. Они к нам хорошо относятся. Теперь у нас определенная надежда, что чешская новая республика всех военнопленных освободит. Такого же мнения и чехи. В нашем городке большое ликование. Представляю, что творится в Праге, и вообще, по всей Чехословакии!

5 ноября. Вчера мы (я и Сытин) ездили навестить семью Бауэр. Поздравили их с республикой и, в скором времени, с мирной спокойной жизнью. По этому поводу были у нас тосты: это мы привезли с собой одну бутылку хорошего ликера. Они очень рады, что Чехословакия, наконец, стала свободной, независимой от Австрии, республикой. У них значительно лучше взаимоотношения с чехами, чем с немцами. Немцы, как на чехов, так и на евреев смотрели как на людей низшей расы, и между ними всегда был антагонизм. Ну, теперь чехи подымут, как говорится, головы и себя в обиду не дадут, а также и тех, кому они симпатизируют. Теперь, Бауэр говорит, и мы будем платить немцам тем же. Мы рады за них, так как они очень хорошие люди, никого не эксплуатируют, живут скромно. Они тоже думают, что мы скоро поедим домой и желают нам этого от всего сердца.

⁴¹ Мельник - Mělník, Чехия.

⁴² Либехов - Liběchov, Чехия.

⁴³ 7 ноября в Москве - в Европе уже тогда действовал григорианский календарь, а насчет того, что Петроград был основным местом действия, видимо, недостаточная информированность.

⁴⁴ Так у автор. Конечно, Ницца – на юге Франции.

Свобода

Итак, наконец-то наш долгожданный час настал – мы свободны.

15 ноября нам сообщили, что мы можем ехать домой как свободные граждане. Утром выехали в Прагу, откуда будут транспортировать всех бывших военнопленных. На вокзале в Праге уже идет посадка в товарные вагоны с нарами. Крик, шум, гам, вагоны переполнены до отказа. Однако нас сначала отвели в казарму в городе и сообщили, что нас в пять часов вечера будут сопровождать на станцию и произведут посадку. Затем предупредили, чтобы все не позднее пяти часов были в казарме, а пока можем пойти, обозреть Прагу, в столичные магазины.

Все, конечно, разбрелись. Я с Сычиным поехали трамваем. Он впервые в Праге, а я был летом, тогда, конечно, было более интересно обозреть город. Но Прага и зимой хороша. Проехали до конца, а затем обратно до центра, и пошли в столовую подкрепиться. Однако оказалось, не так-то просто – в столовой было очень много народу. Многие еще стояли на ногах в ожидании очереди, чтобы занять столик. Нам удалось поесть только в два часа, а затем зашли в магазины, но ничего не купили и поехали в казарму. Было только три часа, до отправки оставалось еще два часа.

Однако каково было наше изумление, и еще нескольких человек, пришли – в казармах уже никого не оказалось. Оказывается, увезли на станцию раньше назначенного времени. Дневальный нам передал наши рюкзаки и предложил скорее поехать на станцию, может быть, еще застанем своих. Начали мы подбегать к каждому вагону и кричать своих, то же делали и другие. Крик, шум, никто из наших не отзывается. Кричим «Сорокин, Карпач, Ремизов», – увы, никто не откликается.

Наконец выяснили, что час тому назад отошел эшелон в Россию. Один железнодорожник посоветовал нам обождать 2-3 дня, когда схлынет масса и нас будут отправлять в пассажирских вагонах, свободно, хорошо. Сейчас все вагоны переполнены. Вот наши сербы не поехали сразу, а отправились выяснить, и сделали хорошо. Мы вернулись обратно на сахарный завод. Утром пошли вместе с сербами и начали там работать. В сад я уже не вернулся. После четырех дней, в субботу, вместе с сербами пошли в контору, получили по 12 крон. Затем я и Сычин попросили дать нам справки, так как ехать нам далеко, а документов у нас нет никаких. Нам любезно напечатали с печатью, все оформили. Все же документ, подтверждающий личность, где находился, с какого по какое время, как бывший пленный. Все лучше такой документ, чем ничего.

В первый отъезд мне не удалось ни с кем попрощаться. Это было некрасиво. На этот раз я уже имел возможность со всеми моими знакомыми, друзьями попрощаться. Была та и другая сторона довольны. Однако с управляющим и его помощником по имени я не нашел нужным сходить к ним попрощаться, они этого не заслуживают.

По пути в Прагу мы остановились в Либехове и зашли к Бауэрам попрощаться. До следующего поезда пробыли два часа. Хорошо нас угостили и пожелали счастливо вернуться на родину, мы в свою очередь пожелали им счастья. На станцию нас пошли провожать Эльза и Ольга. Очень тепло попрощались, расстались с ними по-дружески, так, что у обеих девушек слезы показались на глазах, но с улыбкой помахали нам платочком. Какая интересная Эльза!

К вечеру мы прибыли в Прагу, в поезде еще попрощались с нашими «братушками» сербами – они скоро будут дома, а нам еще далеко, далеко до Сибири добираться.

На вокзале начальник станции нам сообщил, что завтра утром нас в 8 часов вместе с другими прибывшими отправят пассажирским поездом. Просил не опаздывать и слишком рано не приезжать. Было уже темновато, мы поехали в город и решили переночевать в какой-нибудь гостинице. По дороге в город в трамвае нам указали ближайшую гостиницу, где нас и поместили в хороший номер на втором этаже.

Случился неожиданный казус у нас в гостинице. Поехали мы в центр города в столовую поужинать. На этот раз сразу заняли столик, так как посетителей было не так много. В предыдущий раз был наплыв пленных. Сейчас тоже были русские, готовые к отъезду домой, но не так много. Поужинав хорошо с аппетитом, завершив, как здесь принято, кружкой пива, мы поехали в гостиницу. Зайдя, просим у швейцара ключ от нашего номера на втором этаже, однако швейцар смотрит на нас с удивлением, и говорит, что мы у них не занимали номер. Идите, говорит, в следующую гостиницу. Пройдя квартал, мы зашли в гостиницу. Но... о ужас!! Мы здесь оказывается, тоже не были. К тому же мы не знали, как же называлась гостиница, в которой мы оставили свои вещи. Тогда мы решили поехать снова на вокзал, а оттуда поехать обратно. По дороге мы спросили, где имеется ближайшая гостиница. Нам пассажиры показали, когда мы на остановке сошли, то кое-что нам показалось знакомым. Мы вскоре подошли к гостинице, со страхом зашли, но когда швейцар нас встретил с улыбкой, то нам стало сразу легче, мы готовы были его обнять. Мы ему рассказали, что с нами произошло. Посмеялись, конечно. Он сказал, что если бы вы знали, как называется эта гостиница, то вам бы сразу сказали, как её найти. В следующий раз приедем в Прагу, так и сделаем.

23 ноября. Наутро мы уже были на вокзале в 7 часов 30 минут. Поезда еще не было, но русских солдат уже набралось порядочно. Я нашел еще четверых сибиряков и договорился сесть в один вагон и занять места в одном купе. Вскоре прибыл эшелон австрийцев, чехов из России, бывших пленных. Мы сразу же атаковали их, расспрашивая, как у нас жизнь, и что происходит в России. Рассказывают неутешительно: идет гражданская война между белыми и красными. В Сибирь и из Сибири пленных не пускают. В это время подходят двое русских и рассказывают, что они с первым эшелоном уехали в Россию, а вот сейчас приехали обратно вот с этим эшелоном, так как они сибиряки, а туда бывших пленных не пускают, а помещают в бараки. Кроме того, что плохо кормят, так в бараках еще и холодно. Мы, они нам говорят, вам не советуем ехать, а лучше подождать до весны, а мы возвращаемся в деревню, где мы работали, и там пробудем до весны – в тепле и сытости. Приглашаем и вас с нами поехать – устроим на работу.

Я говорю, спасибо за совет и приглашение, но мы поедem в Россию, а возвращаться обратно, по-моему, просто преступно, глупо. Вас, они говорят, не повезут в Сибирь и не пустят. Ну, посмотрим, не повезут, так пешком пойдem, в крайнем случае. На родине с голоду и холоду не погибнем, лучше поедem с нами в Сибирь. Больше мы их не видели. Подошел сформированный пассажирский поезд, и мы спокойно, не толкаясь, заняли места, все вместе пять сибиряков и один мой товарищ Сычин из Крыма, из города Умань⁴⁵.

Вскоре поезд отправился, и на душе стало веселее, ведь едем в Россию, а на родине не пропадем!

Проехали Остраву ночью, и уже находимся на границе. Здесь нам пришлось расстаться с Александром Сычиным, моим хорошим другом. Мы так привыкли друг к другу, что с сожалением расстались, крепко обнялись, будем поддерживать связь письмами. Хороший парень Александр!

Итак, мы, наконец, находимся на родной земле матушки России, родины нашей.

Закачиваю последнюю страницу своей книжки и последние строки: здравствуй, дорогая наша родина, поехали домой в нашу далекую любимую Сибирь! Вперед, вперед!!

22 ноября 1918 года

Р. Фишелев

⁴⁵ Так у автора.